

Ирина Шогина

КЛЮЧ В НОВУЮ ЖИЗНЬ - НА РЕСЕПШН

16+

Ирина Шогина Ключ в новую жизнь – на Reception

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55018855

SelfPub; 2020

Аннотация

История настоящей леди. Она сильная и независимая. Её главное оружие – разум и красота, но она одна... Какие трудности и испытания ей уготовила судьба на пути к настоящему счастью? Её ждёт рейс в новую жизнь, где "всё включено". Зависть, интриги, настоящие чувства, и всё это под палящим солнцем Африки.

Она стояла у стойки регистрации и с любопытством поглядывала по сторонам: кто-то из этой очереди может оказаться с ней в одном отеле, интересно – кто? Стайка бодреньких старушек, из тех, кто в последнее время полюбил путешествовать, открыв для себя вдруг это новое, не доступное раньше для них удовольствие? Или вот эта симпатичная пара? Господи, совсем еще дети! Неужели им есть уже 18? Как родители-то отпустили? А «дети» наслаждались уже даже ожиданием путешествия и не могли оторваться друг от друга. А она – от сияющих глаз этой милой девчущки, которая изо всех сил пыталась выглядеть взрослой – шутка ли, ведь едет отдыхать с мужчиной.

– Мама, ты меня вообще слышишь? Я тебя уже третий раз спрашиваю: где паспорт, регистрация начинается!

– Прости, дорогой, задумалась. Паспорт где-то здесь, – она порылась в сумочке и достала документы. – Знаешь, я пытаюсь угадать, кто из них едет со мной в один отель.

Очередь действительно зашевелилась, но тревога оказалась ложной. Она прильнула к сыну, нежно посмотрела на него, тихонько потерлась щекой о его плечо, с удовольствием вдыхая знакомый, такой родной запах. «Мой мальчик! Как я люблю тебя, как я горжусь тобой», – подумала, на мгновение забыв об окружающих и не замечая любопытных взглядов, которые бросали и на них ее будущие попутчики.

Они с сыном действительно привлекали к себе внимание:

она – слишком молодо выглядит, чтобы быть матерью такого взрослого, такого солидного молодого человека, он – уж очень нежен и внимателен. А может, она и не мать, а он и не сын?.. Сейчас такое время и такие нравы, что ничто уже не удивляет... Но нет, любопытствующие услышали, что он называет свою спутницу мамой – и даже испытали некоторое разочарование, как-то несколько потеряв интерес к этой паре. Хотя нет-нет да и поглядывали, все-таки совсем не замечать их трудно. Стройная, светловолосая, достаточно высокая, но едва достающая сыну до плеча. Хороши были глаза – очень выразительные, голубые, умело подкрашенные. И губы – пухлые, свежие, без намека на ботекс. Длинное роскошное пальто из белой ангорки (явно ручная работа), белые брюки, каблуки – согласитесь, наши дамы в дорогу стараются одеться попроще и попрacticalнее. Глядя на нее, кое-кто из стоящих рядом женщин, явно смущаясь, незаметно попытался слегка прихорошиться.

Громко стуча каблучками, высокая и элегантная, очень серьезная, «как весь аэрофлот», к стойке подошла симпатичная девушка, совсем молоденькая, но изо всех сил желающая казаться взрослой и строгой. Включила компьютер, загорелось табло, регистрация началась. Публика вокруг не только не успокоилась, стало как-то оживленнее. Кто-то из «бывалых» делился впечатлениями, явно исподволь поучая тех, кто летит впервые.

– На фиг – «все включено» – столько переплачивать! Что,

я себе выпить не куплю, если захочу?

– Конечно, а я вообще не пью – мне-то зачем?

– Ой, а как же без билета? Какой – то электронный... – волновались старушки.

Она улыбалась, слушая это разноголосье, и наслаждалась близостью сына, так редко удавалось побыть вдвоем. Вот и теперь он просто приехал проводить ее. В очередной раз ее повзрослевший мальчик купил тур в так полюбившийся ей Сусс, что в Тунисе. Она улыбалась, зная, что «все включено» – это не только возможность выпить, когда захочешь и сколько хочешь (честно говоря, это ее волновало меньше всего), но это еще и потрясающий кофе, это фрукты у бассейна, это чувство безмятежности – волноваться не о чем. Все включено!

– Мама, паспорт! – она очнулась от своих грез и протянула строгой девушке документы.

– Пожалуйста, если можно, у прохода, – попросил сын, его голос был так проникновенен.

– Да, конечно, – оказывается, девушка умеет улыбаться, она сразу стала удивительно милой – совсем девчонка. Разве можно отказать такому парню в просьбе, пусть даже он и с мамой.

– Ну вот, мамусик, 12 В, у прохода, как ты и хотела.

– Спасибо, дорогой. И не в хвосте. Хотя в хвосте безопаснее.

– Все будет хорошо, не накручивай себя. Позвони, как

только приземлитесь. И думай о хорошем! О море, о любимой талассе...

Они дошли до зоны пограничного контроля.

– Давай прощаться. Звони бабушке, береги ее. И себя береги. Удачи тебе! Спасибо тебе, мой дорогой, мой любимый мальчик!

– А тебе – хорошего отдыха, забудь обо всех проблемах, отвлекись, больше купайся, много не пей! – он шутил, чтобы хоть как – то снять тревожность не только у мамы, но и у себя. Чего греха таить – летать сегодня все-таки страшновато.

Она поцеловала его, прижалась к нему, обняла, улыбнулась:

– Ну, пока!

Он смотрел матери вслед, слушал, как стучат каблучки, с удовольствием отметил, что не только он с интересом провожает ее взглядом, и уже в который раз подумал, как здорово, что эта роскошная женщина – его мать, нет – его мамусик.

Полина, дама сорока с небольшим, что называется – элегантного возраста, образование высшее, филолог, закончила университет, школьная учительница. Хорошая учительница. Но в нашей стране даже очень хорошие учительницы вряд ли могут позволить себе дорогой отдых. Это сын баловал ее. Еще будучи студентом, он пришел подработать в одну серьезную фирму. Его работоспособность, грамотность, умение ладить с людьми быстро были отмечены руководством, мальчику предложили постоянную работу, по окон-

чании университета вопросов не было – была работа, где его уже неоднократно повышали, естественно, прибавляя и зарплату. Тот факт, что часть денег он получал в конверте, его мало волновал. Скажите, кто из сегодняшних молодых все-ррез думает о далекой пенсии? Во всяком случае, большинство вообще не верит в то, что можно надеется на кого-то, кроме себя. Возможно, они и правы.

Полина устроилась в кресле, ручной клади, кроме дамской сумочки, у нее не было, стало быть, и забот пристроить вещи – тоже, поэтому она с интересом оглядывалась вокруг. Ей нравилось летать на больших «Боингах», она им как-то больше доверяла, да и авиакомпания была солидная, надежная. Вот и на этот раз салон самолета ей понравился: чисто, уютно, стюардессы такие симпатичные. Правда, терпению их и выдержке можно позавидовать: одна из них пыталась объяснить красному, покрывшемуся капельками пота от усердия дядьке, что не стоит запихивать в верхние багажные полки чемодан, что надо было сдать его в багаж. Дядька ворчал, пихал чемодан, в конце концов, ему удалось захлопнуть дверцу. Он сел наконец на место, достал платок, вытер красное лицо, отдышался. И тут одна из старушек, которых Полина заметила еще во время регистрации, ни о чем не подумывая, стала устраиваться по соседству с ним, сняла жакет, повертела его и так, и эдак, подумала, что в руках его держать будет неудобно, встала, дернула только что с таким трудом захлопнутую дядькой дверцу, и – о счастье – чемодан

вылетел, не задев ее, упал между креслами, видимо, больно ударив своего хозяина по выставленной в проход ноге. Стюардесса поспешила на шум, не сумев скрыть улыбки.

– Наши люди, – подумала Полина.

Посмотрела на часы: через четыре часа она будет уже под теплым солнцем и напрочь забудет на две недели о промозглой, холодной Москве, где осень в этом году на редкость ранняя и холодная. А главное – всегда пасмурно, еще конец сентября, а солнца уже давно нет. У Полины, если долго не было солнца, портилось настроение, все из рук валилось, прямо депрессия какая-то начиналась. Отдавшись мыслям о пальмах и море, она подсчитывала, во сколько по местному времени они прилетят, разница три часа, поэтому получалось, что улетая из Москвы в семь часов утра, самолет приземлялся в Монастире в восемь. Целый день впереди! Туроператоры хамят, конечно, как говорил сын, требуя за перелет утренним рейсом доплату, но зато выигрываешь целый день.

Очнувшись от своих мыслей и вновь посмотрев вокруг, она в какой уже раз подумала, как такая махина, где на борту 800 пассажиров, их багаж, топливо, – сможет сейчас легко взмыть в воздух. В салоне стало менее суетно, практически все пассажиры уже устроились, кто-то просил у стюардесс пледы, кто-то спрашивал, когда дадут пить – обычная предполетная суета. Опять подкатила тревожность, но посмотрев на деток, которых на этот раз было много, подумала, что с ними, маленькими, ничего не должно произойти

плохого, а это гарантия безопасности. Успокоив себя таким образом, немного расслабилась. Загорелась надпись: «Пристегните ремни», послышалось урчание мотора. «Хорошо, что я практически не спала ночь, сейчас засну, проснусь – уже прилетели».

Доставая запутавшуюся половинку ремня, она ненароком оглянулась назад и вдруг встретилась глазами с мужчиной, который явно пристально рассматривал ее. Она несколько смутилась, а он неожиданно открыто и просто улыбнулся ей. Полину смутил не взгляд незнакомца, а мысль, как она выглядит после бессонной суматошной ночи. Справившись с ремнем, она попыталась расслабиться. Главное – дожидаться, когда стюарды начнут развозить напитки, эта суэта отвлекает от тревожных мыслей. Позже, выпив предложенный кофе, попыталась заснуть. Она была настоящей кофеманкой, и кофе действовал на нее, как хорошее снотворное. Толк в кофе Полина знала, была истинным ценителем, всякие изыски в виде разных добавок не признавала, считала, что кофе сам по себе хорош, если он настоящий. Задремать не очень удавалось, в салоне началось настоящее шоу. Пассажиры устремились в туалет, начали ходить друг к другу «в гости», и это при том, что стюардессы везли по проходам тележки с едой и напитками. Молодой человек, явно подогретый продукцией из «дети фри», старался обойти тележку и девушку-стюардессу, пытаясь еще и заигрывать с ней. Тележка занимала весь проход, чтобы преодолеть препятствие, парень практи-

чески села на голову женщине, сидевшей с краю, та закричала, подключился муж. Молодой человек был явно не в лучшем положении: он почти навис над супружеской парой, муж попытался его спихнуть, тот животом упал на тележку, посыпались бутылки с колой и спрайтом... Поспешивший на помощь старший стюарт «разрулил» ситуацию, тележка покатила дальше. В это время слева от Полины образовался милый междусобойчик: двое парней начали процесс знакомства уже в самолете – а чего время-то терять? Девушки явно были не против, но выяснилось, что парни летят в Хаммаммет, а девушки останутся в Монастире. Мужской энтузиазм как-то сразу пошел на убыль, девушки тоже выглядели разочарованными: казалось бы, так повезло – знакомство уже в самолете. И сорвалось! Девушек можно понять, ведь каждая, собираясь на отдых, мечтает о романтическом путешествии, но дело в том, что свободных мужчин на курортах катастрофически меньше, чем одиноких женщин.

Полина улыбнулась, вспомнив один забавный эпизод, который случился тоже в самолете, когда она возвращалась из Италии. Женщина села на свое место, а на соседнее поставила роскошный пакет, в котором лежала норковая шуба. Полина тогда еще подумала: «Кто за чем в Италию летает». Дама явно была горда своим приобретением, поэтому даже не попыталась упаковать шубу, а везла ее открыто – на зависть всем. Подошел мужчина с билетом на занятое пакетом место, попросил освободить. И тут дама возмущенно восклик-

нула:

– Вы что, не видите – здесь же шуба!

Пассажиры понемногу успокаивались, кто-то уже спал, кто-то делился планами, кто-то мечтательно вздыхал. Полина прикрыла глаза.

– Знаешь, я все-таки купила тот купальник со стразами, не удержалась. Когда едешь на море, главное – купальники.

– Когда едешь на море, главное – мужчина рядом.

– Будет красивый купальник – будет и мужчина.

Полина стала невольной слушательницей щебета девушек, с которыми оказалось не по пути тем парням, что летели в Хаммаммет. Как хорошо, что у нее нет этих проблем. Мужчины нет, и проблемы нет. «Но купальники у меня тоже красивые», – подумала и улыбнулась про себя.

Мысль о купальниках вернула ее к действительности. «Надо бы пойти переодеться, могу потом не успеть», – посмотрела на скопившуюся очередь возле туалетов. Полина встала, прошла в хвост самолета и почувствовала, как подбирается страх. Она уже хотела было вернуться, но перспектива выйти из самолета под палящее солнце в теплой кофте и колготках испугала больше, тем более, ей было хорошо известно, что в номере отеля она может оказаться нескоро: полчаса до Сусса, да пока по отелям всех развезут... А страх этот возникал всегда, когда она должна была закрыться в кабинке туалета в незнакомом месте, страх, что заклинит замок и она не сумеет выйти. Почему-то с ней это иногда слу-

чалось, видимо, от того же страха. Замкнутый круг какой – то. Не к месту вспомнила, как во время последней экскурсии в Петербург, куда она возила своих учеников, в кафе все благополучно воспользовались удобствами, а у нее замок за- капризничал. Она крутила его, дергала, радуясь только одному, что дети уже за столиками, позора меньше. На ее счастье дверь она открыть сумела, а страх остался.

Полина, едва помещаясь в тесной кабинке, стараясь ничего не касаться, сняла брюки, стянула и спрятала в сумку колготки. Достала легкую кофточку с весьма легкомысленным рисунком, она не мялась и очень хорошо смотрелась с белыми элегантными брюками. Причесавшись и слегка поправив макияж, она надавила на дверь, которая открывалась, как гармошка. Так и есть – дверь не подалась. Снаружи ждут люди, вот позорище! Все, пока она стояла, выходили без проблем, а с ней – все как положено. Она надавливала еще и еще – все напрасно! И вдруг дверь открылась снаружи. Не зная, куда спрятать глаза от смущения, она сделала шаг на свободу, более всего желая в эту минуту оказаться в кресле на своем месте.

– Простите, мне показалось, у вас проблемы.

Полина подняла глаза, ее спасителем оказался тот самый мужчина, кто так пристально смотрел на нее в начале полета.

– Спасибо, там что-то заклинило, – пробормотала она.

«Вот так всегда, как захочешь покрасоваться – обязательно курица на юбку упадет», – вспомнила любимую поговорку

ку своей подруги. Полина быстро справилась со смущением, когда вернулась на место, ситуация уже казалась ей весьма забавной. Она была из тех людей, которые могут и умеют посмеяться над собой. Вот и сейчас подумала, какое классное начало для романа: герой и героиня познакомились, когда он спас ее, застрявшую в кабинке туалета, на высоте 11000 метров над землей. «А нечего выпендриваться!»— сказала она себе. И сама же себе ответила: «Выпендривалась, выпендриваюсь и буду выпендриваться!» Вот так разговаривают сами с собой филологи с университетским образованием. Мысленно улыбнулась себе любимой, посмотрела на дисплей, на котором отображалось место нахождения самолета: осталось совсем немного, летели уже над Средиземным морем.

Полина взяла предложенный стюардессой кофе, поблагодарила и вдруг опять увидела его глаза. Он стоял позади стюардессы, ждал, пока та уберет тележку и он сможет пройти на свое место.

– Все в порядке?— спросил он.

– Да, все хорошо. Спасибо.

Хорош. Она внимательно посмотрела на него, нет, она его рассмотрела. Высокий, почти как Егор, ее сын. Строен и мускулист. Он тоже снял джемпер, и теперь было видно, что под рубашкой поло скрывается весьма тренированное тело. Седина на висках не портила, не старила, а придавала некую импозантность. Интересно, сколько ему лет? Модная стрижка, легкая небритость – прямо Голливуд какой-то. Она

невольно проводила его глазами. Увидела, что яркая брюнетка с нетерпением ждет его возвращения на место (кто – жена? подруга?), прямо извертелась вся, бедная.

– Что же Вы так долго? Кофе предлагали, – обрадовалась брюнетка его возвращению.

«Долго! Можно подумать, он в соседний самолет прогуляться сбегал. Не жена, точно. Подруга? Тогда почему – Вы?»

– Скоро прилетаем. Как здорово, что мы в один отель едем, а то я так переживала: первый раз, и одна, – щебетала его спутница, – а теперь с вами мне так спокойно!

«О, этой, кажется, повезло, не то, что моим соседкам. Парни быстро потеряли к ним интерес, узнав, что отдохнуть будут далековато друг от друга». Ну вот, все и прояснилось, просто попутчица. Вот это классический вариант знакомства – не то, что в туалете застрять. Полина, как истая женщина, теперь заинтересовалась ситуацией и краем глаза и краем уха отслеживала ее, благо сидела эта сладкая парочка наискосок через проход. Полина почувствовала что-то похожее на укол ревности, но она тут же сказала себе: успокойся! Ей было хорошо видно, как брюнетка продолжает развлекать своего спутника, она время от времени как бы случайно касалась его руки, прижималась невзначай грудью.

– Ну, ты попал, красавчик, она тебя теперь не отпустит. Да ну вас! – Полина повозилась с ремнем, благо загорелась предупреждающая надпись, прикрыла глаза и попыталась рас-

слабится. Самолет начал снижаться. Сей факт не очень озаботил пассажиров, которые продолжали толпиться у туалетов, ходили по салону. Увещевания стюардесс были тщетны. Де жавю! Подобную картину Полина наблюдала практически каждый раз, когда летела нашими авиалиниями. И каждый раз поражалась: как можно создавать проблемную ситуацию в самолете, в котором летишь сам. Но наконец-то все успокоилось, расселись, стюардессы прошли по салону, проверили, все ли пассажиры пристегнуты, и сами сели на маленькие креслица у выходов. Самолет заурчал, задрожал, заложило уши.

—Отче наш, ежи ты еси...— про себя повторяла слова молитвы Полина, она всегда молилась перед полетом и во время посадки, впрочем, это делают многие, только не все признаются.

Самолет коснулся земли, пару раз подпрыгнул, и в салоне раздались аплодисменты. Кто придумал аплодировать пилотам по окончании полета? Кто бы он ни был, он придумал здорово.

Пассажиры засуетились, уже стояли в проходах. Полина достала телефон, пока выпускают бизнес-класс, пока подадут автобусы, она успеет позвонить Егору, что благополучно долетела.

Листы регистрации заполнили, как и всегда, в самолете, поэтому пограничный контроль прошли достаточно быстро. Представители туроператоров размещали прибывших в ав-

тобусах, торопили. Водитель-араб поставил чемодан Полины, что-то лопоча на плохом русском. Научились, ведь русские здесь теперь – гости желанные.

Во время суеты пограничного контроля, получения багажа она как-то забыла про Красавчика, потеряла его из виду. А когда увидела их вместе с брюнеткой направляющихся к автобусу, где уже сидела сама, то не поняла, что за чувство испытала: радость, удивление – нет, скорее, безразличие, это она так решила, что безразличие. Но взгляд ее выдавал любопытство – правильно, ведь действительно любопытно понаблюдать на досуге, как будет развиваться этот курортный роман. (Ох, знала бы она...) Сладкая парочка (теперь она их так будет называть) вошла в автобус, и он, проходя по салону на свободные места назад, так как практически все уже было занято, вдруг увидел Полину. Вот он своей нечаянной радости не скрывал, он так открыто и так как-то по-хорошему улыбнулся, что она не смогла не улыбнуться в ответ.

– Вы тоже в Сусс?– спросил он. Полина кивнула и тут заметила взгляд спутницы Красавчика. Улыбнулась и ей тоже, как бы говоря: расслабься, Сусс большой, отелей много, мы будем в разных, может, больше и не увидимся...

Девушка – сопровождающая в течение всего пути из Монастира в Сусс делилась полезной информацией: где менять деньги, как торговаться на Медине, напомнила, что часы нужно перевести на три часа назад. Полине все это было уже известно, полезной была только информация о курсе долла-

ра. Как приятно чувствовать себя «бывалой»! И вообще, как приятно опять оказаться на этой гостеприимной земле. После московского ненастья африканская жара кажется сказкой. За окнами автобуса мелькали пальмы, цветущие деревья, названия которых Полина не знала, но каждый раз, приезжая, не уставала любоваться ими. Но что более всего ее приводило в восторг здесь – это архитектура. Наши нувориши тоже на свои коттеджи денег не жалеют, но выглядят их дома хоть и помпезно, но довольно убого. А здесь нет двух одинаковых домов, и каждый похож на дворец Шахеризады: резные балкончики, арки, лепнина – это надо видеть, словами не передать. Полина вспомнила, как приехала сюда впервые, какими глазами смотрела на всю эту красоту и экзотику. С тех пор она всегда останавливается в одном отеле. Вспомнила, как долго первый раз выбирала его по каталогу, и не ошиблась. Главное, что ее привлекло тогда, – роскошный парк, цветники, которые доходили почти до моря. Может показаться, что такое обилие зелени привычно и нормально для этого климата, но, как выяснилось позже, многие отели на территории имели две-три пальмы, которые, как ни старались, унылости вида скрасить не могли.

Автобус уже ехал по Суссу, на улицах царила привычная курортная разноголосая суэта. Полину охватило нетерпение, ей тоже захотелось скорее переодеться во что-нибудь яркое, легкое и слиться с этой толпой, ощутив полную безмятежность. Автобус остановился у первого отеля, несколько че-

людей вышли – они уже приехали. Отель, куда направлялась Полина, расположен в полутора километрах от центра города, оптимальный вариант: и до Медины можно пешком дойти, и суеты меньше. Кроме того совсем рядом европейские торговые центры, роскошные бутики, что, согласитесь, тоже важно для женщины на отдыхе.

Автобус останавливался у отелей, народу в салоне оставалось все меньше. «Кстати, а где сладкая парочка? – спохватилась Полина. – У какого отеля они вышли?» Она так увлеклась своими мечтами и воспоминаниями, что совсем забыла о них, она их проморгала, да и ладно. Уже подъезжали к ее отелю, сердце радостно забило в предвкушении двухнедельного блаженства. Главное, чтобы Наташа была на месте. Наташа – представитель туроператора в Суссе, они познакомились еще в первый приезд, и с тех пор Полина всегда звонила, когда собиралась снова на отдых, предупреждала. А Наташа готовила для нее хороший номер, в новом корпусе, с видом на море.

Отель, как и в первый приезд, поразил ее своим великолепием: мраморные ступени вели в роскошный холл, выполненный в стиле восточных сказок, плетеные кресла с мягкими бархатными подушечками на сиденьях, уютные диванчики, ажурные арки и потолки, которых достоин музей или дворец. Но более всего ее впечатлили огромные стеклянные «стаканы», в которых росли пальмы, им сохранили жизнь и сделали главным украшением холла. Солидная стойка ресеп-

шен и бар были уже не из восточной сказки, но тоже очень хороши. Девушка-гид помогала нашим туристам заполнять гостевые карточки. Это был последний отель, куда она привезла пассажиров с утреннего московского рейса, поэтому уже не торопилась. Туристы суетились, всем хотелось скорее поселиться, переодеться и – к морю. Полина не торопилась, войдя в холл отеля, она увидела на привычном месте Наташу, та, как всегда, была окружена людьми: кто-то оплачивал экскурсии, кому-то был нужен совет. Ничего, можно немного подождать. Полина тоже взяла карточку, подошла к столу. Кое-кто уже получил ключи, всех селили в старый корпус, где меньше удобств, длинные узкие коридоры, где нет сейфов в комнатах. Заполнив карточку, Полина подошла к Наташе, у той в глазах появилась искренняя радость. Они обнялись, как старые приятельницы.

– Придется подождать полчасика, номер убирают. Зато хороший номер.

К Наташе опять подошли, девушкам нужна была консультация, какой шампунь лучше купить для подарков: они все с глиной, а какой все-таки лучше?

Полина подошла к бару, благо браслетик ей уже надели. Обрадовалась, увидев за стойкой все того же бармена – ничего не меняется, как будто и не уезжала!

– Мадам! – в его голосе ей послышалась искренняя радость. Неужели узнал? – Кофе? Без молока и без сахара?

– Да, спасибо! Вы меня узнали? Так приятно!

– Мадам всегда пьет так много кофе! Мадам у нас нравится?

– Мадам у вас хорошо!

Бармен приложил руку к сердцу, шутливо поклонился.

Полина села за столик недалеко от ресепшен, с удовольствием вдохнула запах потрясающего кофе и сделала глоток. Она даже заурчала от наслаждения. Выпив половину маленькой чашечки, она поставила ее на столик и стала наблюдать за продолжающейся суетой у ресепшен.

Дело в том, что выходя из автобуса, она увидела Красавчика и его брюнетку. Они тоже приехали сюда. Бывает же так! Она даже слегка позавидовала: познакомиться в самолете, приехать в один отель! Прямо, как в кино – классика жанра. Брюнетка тоже, видимо, не могла поверить своему счастью, боясь спугнуть это самое счастье, щебет свой умерила, но не отходила от предмета ни на шаг. Заметив Полину, гордо вздернула головку и посмотрела с некоторым вызовом, соперницу что ли почувствовала? «Глупая, не я тебе соперница, а вот эти молодые и длинноногие, которые с него уже глаз не сводят».

Брюнетка поучила ключ (а браслетик-то ей не надели!) и замешкалась: Красавчик еще стоял без ключа, удобно ли его ждать или нужно красиво уйти – пусть сам потом посуетится, поищет? Сомнения ее развеял портфель, он ловко подхватил чемодан и направился тоже в старый корпус. Отель был построен таким образом, что ресепшен находилась посере-

дине, справа – старый корпус, слева – новый, ведут туда широкие проходы. Полина даже возмутилась: почему как русские – так в старый! Рядом оформляли французов, так они все отправлялись в новый. Этот новый корпус появился, когда при отеле построили целый комплекс талассотерапии, и селили туда тех, кто пользовался ее услугами: на процедуры можно ходить, не выходя на улицу. Соответственно и номера там были повышенной комфортности. Вот именно такой номер и ждала сейчас Полина.

Наташа помахала ей рукой, давая понять, что все готово, можно заселяться.

Полина быстро встала, портье уже держал в руках ключ, он покатил ее чемодан в другую сторону, не туда, куда уходили все наши, оставшиеся у стойки с удивлением посмотрели ей вслед. Среди них был и Красавчик.

Комната Полину порадовала: все было наряднее и как-то богаче что ли, чем в прошлом году. Роскошное покрывало, портьеры из той же ткани, серьезная плазма на столе, даже полотенца и туалетная бумага в ванной очень стильные. Чемодан распаковывать не стала, быстро приняла душ, надела купальник, накинула легкий сарафан и – купаться! Полина любила загорать у бассейна, а вот купалась только в море. С удивлением читала в интернете, что в этом отеле лежаки у бассейна нужно занимать чуть ли не в пять утра. Во сколько бы она ни приходила, свободные всегда были. Вот и сейчас она расположилась довольно комфортно: рядом с лежаком

столик, тень от зонтика, это сейчас важно – не сгореть бы! Вообще-то загорать она не любила, лежать часами под солнцем, чтобы привезти домой загар всем на зависть – и глупо, и скучно. Вот поплавать всласть – это да! Она шла по небольшому проходу к морю, вспомнила, как первый раз не могла понять, как выйти к морю. Оказалось, что здесь очень грамотная планировка: территория у бассейна закрыта со всех сторон, чтобы не было сквозняков, и проход к морю как бы прятался.

Пройдя несколько метров по дорожке, оказалась у входа на пляж, сняла сланцы – песок горячий! Огляделась, улыбнулась: ничего не изменилось под африканским солнцем! Кругом тела, тела, разной степени поджаренности. Она на их фоне бледновато выглядит. Море встретило потрясающей ласковостью и прозрачностью. Поплавав и покачавшись на спокойных волнах, вернулась к своему лежаку, накинула парео и отправилась в ресторан, что располагался прямо у бассейна. Полине нравилось, как здесь была продумана система питания: роскошный ресторан в главном корпусе под ресепшен, который огромными французскими окнами смотрел на парк, ресторан и мавританское кафе прямо у бассейна, сквэш-бар на пляже, бар в холле. До обеда еще было время, но очень хотелось что-нибудь жевнуть после дороги. Она взяла фрукты, несколько крошечных пирожных, подошла к бару за кофе, протянула руку с браслетом. Бармен поднес к браслету какую-то штуку, считал штрих-код, улыбнувшись, протянул

чашку на симпатичном блюдечке с салфеткой – сервис по-прежнему на уровне.

Со всем этим богатством подошла к своему лежаку, поставила все на столик и медленно, маленькими глотками начала пить кофе, пирожные были вкуснейшие, персики спелые и с таким ароматом, какого никогда не бывает у тех, что продаются в наших магазинах. «Если это не счастье, то что? – подумала, млея от удовольствия. – Целых две недели покоя, вкусная еда, ласковое море, нет, сначала море, а еда потом. И минимум общения!» Она действительно любила отдыхать одна. Возможно, если бы рядом был действительно близкий человек, с ним бы хотелось делиться впечатлениями, что-то обсуждать, а так... Одним словом, ни к каким знакомствам она на отдыхе не стремилась, скорее, наоборот – избегала общения, потому что этого ей с лихвой хватало и дома (она же в школе работала), а здесь хотелось отдохнуть и от общения в том числе.

Полина с интересом рассматривала отдыхающих. Отметила, что русских стало больше, их выдавала не только речь, но и манеры. Допила кофе, поставила на столик пустую чашку, ее тут же унес официант, одетый в черные брюки и белую рубашку с бабочкой. Ничего не поделаешь – жара жарой, а сервис – дело святое. Легла, прикрыла лицо шляпой. И тут же услышала какой-то шум, да не какой-то, а знакомый, наш шум.

– А ну иди сюда, я сказал! Я сказал! Твою мать! ...!

Полина приподняла шляпу. Маленький, коренастенький, лысый наш отечественный браток наступал на мальчика-араба, который приносил отдыхающим мягкие матрасики на лежаки. Чем он не угодил братку? Но тот был явно нетрезв и очень агрессивен. В конце концов парень, который больше, чем братка, боялся потерять работу, побежал. Тот, матерясь и показывая неприличные жесты, – за ним. Но скоро остановился, алкоголь вкупе с жарой сил не прибавляет. Полина испытала шок. Почему секьюрити не вмешались? Неужели и здесь клиент всегда прав? Чувство стыда перечеркнуло все эмоции. Было стыдно за соотечественника перед семьей французов, чьи забавные мальчишки-близнецы не могли не вызвать чувства умиления, перед парнями-поляками, которые, явно обсуждая увиденное, громко смеялись, да вообще перед всеми было стыдно. А потом мы удивляемся, почему русских нигде не любят!

Собрав вещи, пошла домой. Теперь на две недели этот номер – ее дом. Надо разобрать чемодан, переодеться к обеду, а в ресторане решить еще одну проблему: получить хороший столик. Это тоже важно, Полине нравились столики на двоих у самого окна. В прошлый приезд к ней никого не посадили и она блаженствовала одна, с неким превосходством поглядывая на тех, кто сидел за четырех- и шестиместными столами.

Чемодан у Полины был полнехонек. Хоть и отдыхала она одна, а выглядеть привыкла всегда. Возможно, даже приоб-

ретья в этом плане некоторые комплексы, например, она никуда, даже на пляж, не выходила без макияжа. Ей казалось, что без макияжа она как будто не одета. Выглядеть Полина умела, вкус имела безупречный, но одного вкуса недостаточно. Среди нас женщин со вкусом немало, но мы об этом даже не подозреваем, потому что надо иметь еще и возможность этот вкус проявить, что называется его продемонстрировать. А вот здесь-то у Полины все было в порядке, потому что практически все свои наряды она делала сама. Многие женщины умеют и шить, и вязать, но немногие умеют делать это так, как умела она – ее платья выглядели, как будто были куплены в дорогом бутике, а трикотаж – всегда эксклюзив.

Развесив все привезенные наряды, расставив в ванной на большой мраморной столешнице баночки и флакончики, она почувствовала себя действительно дома. Пора было обедать, первый выход в люди обязывал, правда, это не ужин, но тем не менее. Длинное открытое платье из легкого поплина в серо-фиолетовых тонах очень шло ей, и Полина это знала. Знала, что выглядит в нем молодой и стройной, а еще слегка легкомысленной, что дозволяется на отдыхе даме с такой безупречной репутацией, что уже можно ее несколько и подпортить. Или не стоит? В смысле, репутацию, конечно, а платье оставляем это.

В ресторане ее ждал приятный сюрприз, даже два приятных сюрприза. У входа стоял все тот же забавный молодой человек, он проверял пропуск или карточку, как это называ-

ется, на которой был указан номер комнаты и номер столика. Он всегда был в хорошем настроении, шутил, мог взять карточку, якобы посмотреть, и вдруг спрятать к себе в карман, его всегда было приятно видеть. Второй сюрприз был важнее. Войдя в зал, Полина осмотрелась, ища глазами метрдотеля, очень импозантного араба, главного здесь, именно он рассаживал вновь прибывших гостей.

– Мадам! О мадам, хеллоу, мадам! – он быстрым шагом шел к ней, видимо, увидав издали и узнав.

Полина расцвела навстречу ему улыбкой, протянула руку, которую он не пожал, а поднес к губам. На не очень хорошем русском он говорил, что рад видеть ее снова, что она как всегда прекрасно выглядит. Говоря так, он вел ее к маленькому столику возле окна, отодвинул стул, приглашая присесть, написал номер в карточке, еще раз поцеловал ее руку и пожелал хорошего отдыха.

В эту минуту Полину как будто что-то толкнуло, она оглянулась. Красавчик стоял у крошечной стойки метрдотеля у входа и тоже ждал, чтобы ему определили место. В его взгляде было столько удивления, но главное, был интерес. Полина кивнула и улыбнулась про себя: «А вот так! И мы не лыком шиты!»

Она набрала всяких вкусностей, здесь очень хорошо кормили. Почувствовала аппетит, когда выбирала горячие блюда и закуски. Набрала хорошо, но многовато. Оглядела с тоской стол и вдруг улыбнулась: дома похудею. Полина несколь-

ко лукавила, фигура у нее была хороша, на диетах она никогда не сидела, если и набирала лишнего, то, во-первых, это ее не портило, а во-вторых, этого никто не замечал. Подошел официант, спросил, принести ли вина. Полина попросила бокал красного, потому что взяла мясо. Вообще-то во время обеда столовое вино, красное, белое и розовое, стояло на особом столе, и каждый мог взять сам столько, сколько ему было нужно. Но Полина была без спутника, и официант, очевидно, решил, что не пристало такой женщине ходить за вином самой. Она отпила глоток и только принялась за еду, как услышала:

– Мадам не будет против? Вдвоем веселее, да, мадам?

Мадам поперхнулась, но что могла возразить мадам? Надежды, что повезет, как прошлый раз не было, отель полон. Все равно кого-нибудь посадили бы за ее столик. Красавчик улыбнулся, присаживаясь:

– Не расстраивайтесь так. А вдруг мы поладим? Я совсем неприставучий. И потом, от меня может быть хоть какая-то польза: могу ходить за вином.

– Это меняет дело.

Обед прошел в несколько натянутой обстановке, обменялись парой дежурных фраз. Все-таки Полина расстроилась, с сожалением вспоминала, как блаженствовала одна в прошлом году.

Выходя из ресторана, Полина боковым зрением увидела Красавчика. Немного повернув голову, замедлила шаг: Кра-

савчик о чем-то говорил с метрдотелем, тот улыбался и согласно кивал, потом они пожали друг другу руки. Полина поспешила к выходу.

После обеда она отправилась в центр талассотерапии, чтобы уже с понедельника ходить на процедуры. Шла и уже была уверена, что и там ее узнают, но нет. Хотя приняли, улыбаясь и облизывая – еще бы, полный курс. Женщины из России покупают пару дней, иногда на двоих, делят процедуры. Все просто объясняется: если купить хоть два дня, переселят в новый корпус, это – во-первых, а во-вторых, – просто любопытно, что это за штука такая. Опять же подружкам дома похвастаться можно, им же не обязательно рассказывать, что ты просто попробовала пару процедур. А вот француженки и немки приезжают специально из-за талассы. Тунис вообще славится своими центрами талассотерапии, а этот ультрасовременный и такой роскошный. И цены здесь на порядок ниже, чем в Европе, поэтому они покупают шесть или девять дней и по четыре – пять процедур в день. Вот таких клиенток здесь любят. Полина была тоже из таких. Попробовав один раз, она уже не могла отказать себе в этом удовольствии. Правда, выдерживала только три процедуры в день.

Ну вот, все, что нужно было сделать в первый день, сделано, и вполне успешно.

К ужину Полина собиралась особенно тщательно, хотелось произвести впечатление, но и не раскрывать сразу козырных карт: надевать лучшие наряды. Поправила прическу,

макияж, выбрала платье глубокого кораллового цвета, осталась собой довольна.

Ужин для тех, у кого «все включено», начинался в 20.30, после того, как отужинает полупансион. В этом отеле было принято на ужин ходить, как в ресторан, наряженными. Еще издали Полина увидела «лебедей» на своем столике, их мастерски закручивали из салфеток официанты, желая порадовать любимых клиентов. Или в надежде на чаевые. Белоснежная скатерть была засыпана лепестками роз. Поставив тарелки, поняла, что опять погорячилась, но уж очень аппетитно все выглядело, и так из огромного количества блюд трудно было выбрать.

– Добрый вечер!

Полина кивнула, улыбнувшись – все-таки они теперь соседи.

– Я обещал быть полезным – ходить за вином. Вам какое?

– Белое, я взяла рыбу. Спасибо.

Вернулся он заметно повеселевшим. Полина отметила, что этот и так очень привлекательный мужчина тоже, видимо, собирался на ужин: тщательно выбрит, белые брюки (и как сумел отгладить? Наверное, тоже знает, что это можно сделать паром, включив горячую воду в ванной), свежая рубашка, видимо, любит поло. Что ж, это говорит о хорошем вкусе.

– Давайте знакомиться. Я Павел Валентинович, инженер-электронщик.

– А я Полина, школьная учительница.

Павел (теперь он уже не Красавчик, теперь у него есть имя) удивленно поднял брови:

– У меня другой образ учительницы в памяти, еще из моего детства. Вы на нее не похожи.

– Но вы тоже как-то инженером не выглядите.

Ужин прошел за ничего не значащей болтовней. Они встали, направились к выходу.

– Полина, давайте выпьем кофе.

– Только мороженое возьмем, оно здесь вкусное. Получится глясе.

– Выносить же из зала ничего нельзя.

– А мы потихонечку!

Поднялись по широкой мраморной лестнице наверх, Павел Валентинович галантно поддерживал свою даму под локоток, идя на одну ступеньку пониже. Они только что «вынесли» из ресторана два стаканчика мороженого, это маленькое озорство как-то объединило их, у них теперь была общая тайна.

И вдруг, выйдя в холл, Полина увидела ту брюнетку, которая явно кого-то поджидала, нервно прохаживаясь у стойки ресепшен. В суете прошедшего дня она как-то забыла о спутнице Красавчика, то есть Павла Валентиновича. Брюнетка, увидев их, сначала сделала шаг навстречу, потом, явно смутившись, отвернулась и пошла к выходу. Там за стеклянными дверями стояли стеклянные же столики и те же плете-

ные кресла, что и в холле. Здесь почему-то очень любили сидеть с чашечкой кофе или с бокалом вина гости отеля. Курили, смотрели на тех, кто выходил, отправляясь на прогулку в город, и на тех, кто возвращался с покупками. То и дело подъезжали такси, здесь этот транспорт был достаточно дешев, поэтому туристы с удовольствием пользовались им. Брюнетка села в кресло у свободного столика, достала сигарету, несколько раз щелкнула зажигалкой, явно нервничая.

– Как неловко получилось. Эта дама, очевидно, ждала Вас.

– Наверное, да. Но...

– Знаете что. Идите-ка Вы к ней, Павел Валентинович, а я пойду пить свой кофе.

Полина сунула ему один стаканчик с мороженым. Настроение было испорчено. После ужина у бара образовалась небольшая очередь. Забавно было наблюдать, как наши люди пытались делать заказ по-английски. Она попросила кофе и мускат. Бармен улыбнулся ей, бросая в бокал солидную порцию льда:

– Правильно? – он понимал, что ей не алкоголь нужен, а удовольствие.

– Конечно, спасибо!

Оглядевшись, увидела в уголке свободный столик. Направляясь к нему, отметила для себя, что компания немцев, шумно и весело о чем-то спорившая, проводила ее взглядами. Мужчины – с интересом, женщины – с некоторой неприязнью. Вспомнила Михаила Задорнова: инквизиция в Евро-

не была. Полина была из тех женщин, которых судьба не баловала, которые судьбу свою сделали сами. Сейчас, глядя на нее, можно было подумать, что вот избалованная и изнеженная богатенькая дамочка приехала отдохнуть, устав дома от безделья. И надо сказать, Полину такое мнение о себе не расстраивало. Пусть. Она жила по принципу: дому надо служить. А дом она понимала в булгаковском смысле. Поэтому она мыла, стирала, убирала – чтобы чисты были стены, любила, поддерживала, старалась понять близких – чтобы в доме была душа, чтобы в доме жила любовь. Но когда выходила из дома, никому и в голову бы не пришло, что час назад она, например, мыла полы. Она ходила так, выглядела так, что никто бы не подумал, что эта женщина в принципе может выполнять какую-то грязную работу. Однажды ее коллега за общим застольем по поводу какого-то праздника сказала, что не верит, что Полина сама работает в саду, выращивает помидоры и перцы всем на зависть. Та удивилась и обиделась: почему?

– А ты посмотри на свой маникюр!

– Ну, это очень просто: приходишь из теплицы, снимаешь лак, приводишь руки в порядок, наносишь свежий лак – и все!

– Так это ж надо каждый день!

– Да, конечно, так каждый день. А как же иначе?

Коллега заявила, что оно ей надо... А для Полины это было нормой.

Поэтому, приезжая сюда на отдых, она позволяла себе немножко покрасоваться и получала от этого удовольствие. Психологи же говорят, что завышенная самооценка у человека – это лучше, чем заниженная. Правду сказать, и с радостью отмечала, что еще привлекает внимание мужчин, некоторые пытались ухаживать, но она это быстро пресекала: во-первых, уже наелась, а во-вторых, не верила в курортные романы. Она их не обижала, просто нежно и ласково говорила, что-нибудь такое, что мужчина только издали потом раскланивался, думая, что за баба такая: приехала на курорт, а ходит одна. Может, лесбиянка? Да нет, вроде не похожа, да и тогда она бы с другой бабой ходила. Мужчины быстро успокаивались, находя себе женщин поговорчивее. И, наверное, – попроще. Потому что было в Полине что-то такое, нет, не высокомерие, а какая-то недоступность, но это уже, очевидно, учительское. Вот и смотрели на нее мужчины издали, а вечера проводили с другими, выбор большой, ведь на всех курортах одинаково: женщин свободных сколько хочешь, на любой вкус, а мужчин – раз-два и обчелся.

Полина пила свой гясе, иногда делая глоток из бокала с мускатом, и с интересом рассматривала публику вокруг.

Несколько молодых и не очень людей сидели за столиками с нетбуками и планшетами, передавая домой близким по электронке фотографии и короткие сообщения – отчеты о том, как проходит отдых. С удивлением Полина смотрела на тех, кто привез с собой ноутбуки: стоило ли их брать, такие

тяжелые – вчерашний день. После ужина народ подтягивался поближе к бару, свободных столиков уже не было. Шумные компании и влюбленные парочки, семьи с детьми и пожилые матроны – все чувствовали себя здесь достаточно комфортно, все нашли для себя уютные уголки. И вдруг Полина поняла, что только она сидит абсолютно одна. Подошел улыбающийся официант:

– Еще кофе, мадам?

– Да, пожалуйста.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, повернула голову и увидела его. Павел стоял, облокотившись на мраморную колонну, видимо, стоял так и смотрел на нее уже давно. Встретившись с ней глазами, решительно направился к ее столику.

– Полина...

– Павел Валентинович, давайте не будем. Мы с Вами лишь соседи по столику, а все остальное меня не касается. Отдыхайте, развлекайтесь – на то Вы и здесь.

– Ну, зачем же так, Полина? Я действительно приехал поплавать, погреться на солнышке, я устал. В мои планы не входило то, о чем Вы сейчас сказали.

– Человек предполагает, а Бог располагает. Видите, как Вам повезло. Кстати, а где Ваша дама?

– Да не моя она дама! – как-то даже вспыхнул ПВ. – Просто попутчица!

– Зачем Вы передо мной оправдываетесь? Это Ваше дело! Смотрите, как женщина мается, кстати, а почему Вы ока-

зались за моим столиком? С метрдотелем договорились? И сколько Вам это стоило? А почему не к ней за столик?

– А вы злая, Полина! Красивая, холеная, явно избалованная вниманием мужиков, а злая!

Не теряя лица, медленно, с достоинством она встала, убрала в элегантный клатч довольно гламурный телефон (подарок Егора, с ним она и собиралась поговорить за минуту до появления ПВ), кивнула:

– Доброй ночи, ПВ, – сказала хорошо поставленным голосом, в котором не было ни одной нотки эмоций.

Он смотрел ей вслед и понимал, что сейчас произошло что-то очень важное в его жизни. Он действительно много работал последнее время, по совету друзей поехал отдохнуть в незнакомый Тунис, мечтая о море и солнце, о сне до обеда, о поездке в Сахару, но никак не о разборках с женщинами в первый же день.

Поначалу, когда рядом с ним в самолете оказалась Карина (так она представилась), ему это показалось забавным, потом ее соседство стало несколько утомительным. Когда выяснилось, что они едут мало того, что в один город, но еще и в один отель, испытал некое раздражение, но как человек воспитанный, и виду не подал. Возможно, напрасно.

Карина восприняла его расположение как надежду: три процента курортных романов заканчиваются серьезными отношениями – чем черт не шутит, может, и ей повезет? Конечно, о таком счастье она и не мечтала, хотя собираясь, ле-

леяла мысль о романтическом знакомстве. Но все как-то сразу не очень заладилось: еще в самолете она заметила, как он смотрит на эту дамочку, потом они оказались с ней в одном отеле, потом выяснилась, что у него «все включено», а у Карины полупансион, это значит, что у нее не только нет обедов, но и ужин у них в разное время. Можно было подыскать другой предмет для романтических отношений, только где ж его взять: вон сколько молодых и длинноногих кругом, а мужчин свободных и нет совсем. Разве можно отказаться от такой возможности? Нет, нужно биться до последнего. До последнего дня на этом курорте.

Когда ПВ удалось за достаточно небольшое вознаграждение договориться с метрдотелем, он обрадовался, как влюбленный мальчишка: ужинать в компании такой роскошной женщины! Да и обедать, впрочем, тоже. И как все здорово сложилось, они шли пить кофе, он уже представлял, как пригласит ее потом прогуляться... И надо же случиться этой Карине! Теперь он смотрел вслед удаляющейся Полине и только сейчас по-настоящему рассмотрел, как она хороша. До этого он воспринимал ее, как единый образ, а сейчас увидел женщину с потрясающей фигурой, идущую на высоких каблуках так легко и изящно. Умение ходить на каблуках ПВ теперь научился замечать и ценить, его раздражали девушки в тапочках, которые почему-то назывались балетками. Ну нельзя выглядеть элегантно в тапочках! А Полина шла так, будто родилась уже на каблуках, это он заметил еще в Мо-

настире, когда выходили из самолета. И эта женщина сейчас уходила от него. Уходила, несмотря на все ее умение держаться (это он тоже отметил), обиженной. Неплохо все начинается, не успел прилететь, а уже в бабах запутался. В кармане завибрировал мобильный.

– Пашка! Ты как, дорогой? Устроился? Как впечатления? Прав я был, что отправил тебя в Тунис? – старый друг еще со студенческих времен, а теперь и компаньон, один из самых близких людей, да чего там – он и его жена Марина, больше близких-то и нет.

– Знаешь, Серега, я сейчас такую женщину обидел...

В трубке повисло молчание. На том конце явно была пауза, не рекламная – шоковая.

– Паш, ты ж только прилетел. Ты когда успел-то? Пашка, ты когда последний раз за женщиной ухаживать пытался? Мы с Маринкой уж все надежды оставили тебя женить. А ты только приехал – и уже обидел? Паш, ты ничего не путаешь? – в голосе, только что таком бравурном, сменились все ноты.

– Ладно, не бери в голову, все хорошо, привет Марине!

И правда, все «хорошо» начинается.

Когда ПВ шел через холл, направляясь в свой номер, он не заметил ни Карины, которая, не решившись подойти к нему, издали наблюдала сцену размолвки, ни других любопытных женских взглядов, провожавших его с заметным интересом.

«Да, «хорошо» все начинается», – думала и Полина, идя

к себе в номер по пустому коридору. Никого нет, после ужина время особой ночной курортной жизни. В открытые окна доносилась музыка с площадки знаменитой дискотеки Бора-Бора, что располагалась недалеко от отеля, завернув за угол, с другой стороны Полина услышала мотив веселой песни и детский смех – начиналась вечерняя анимация в отеле. Сначала потанцуют и попрыгают дети, потом настанет черед взрослых. Эта громкая музыка и смех совсем испортили настроение, вдруг так захотелось плакать, так стало себя жалко, что на глазах выступили слезы. Разве за этим она сюда ехала, чтобы в первый же вечер услышать, что она злая, избалованная? Разве это правильно, что она всегда одна? Да как он может так, ничего не зная о ней? Вот пусть к этой своей теперь пересаживается. И вдруг вспомнила, что пересесть-то он не может, потому что брюнетка его была без браслетика, значит, ужин у нее в другое время. Нет, может. Может ужинать с полупансионом, меню другое, вина нет, зато предмет рядом. Злорадничая так, Полина вдруг поняла, что эта злость, и эти слезы – все это – чувство, которого давно не испытывала, – ревность! Она даже задохнулась: ну уж нет, не дождетесь, ПВ! Сделала несколько шагов, пытаюсь справиться со слезами, которые готовы были вот-вот брызнуть из глаз, и вдруг уткнулась в чью-то мускулистую грудь, вздрогнула от неожиданности, отпрянула, не удержалась на каблучках и рухнула на руки ПВ.

– Опять Вы! Оставьте уже меня в покое! Ой! – попыталась

встать на ногу и вскрикнула от резкой боли.

– Полина, Вы в каком номере? Я помогу, осторожнее!

– 11.12. Уже рядом. А Вы что здесь делаете?

– Иду к себе, мой номер тоже в этом крыле.

– Что же Вы не продолжаете вечер в приятном общении? – слезы сразу высохли.

– А ты язва, Полина, – он легко подхватил ее на руки, – где ключ от номера?

– Ключ?... На ресепшен, – она даже не успела отреагировать на язву, потому что вдруг сообразила, что совсем забыла о ключе, который всегда сдавала, потому что он был прикреплен к очень тяжелому и объемному брелоку.

– Ладно, пойдем ко мне, здесь рядом, и ключ у меня с собой.

Возражать было глупо, дойти до ресепшен она бы не смогла, поэтому просто промолчала. ПВ осторожно опустил Полину, которая с трудом стояла на одной ноге, достал ключ, просто ключ, без брелока.

– Почему у Вас такой ключ, а где брелок?

– Я привык всегда носить ключи с собой, а брелок просто снял, уж больно он здесь тяжелый и большой, – Павел быстро открыл дверь, опять взял Полину на руки и бережно посадил на кровать. Она, быстро оглядевшись, увидела, что здесь все, как у нее в номере, даже покрывало и шторы такого же цвета. Павел тем временем снял с ее ноги босоножку, машинально повертел ее, разглядывая.

– «Бриллиантов» многовато, да? Дома такие надеть некуда, а здесь можно, – заметила его интерес.

Он осторожно ощупал ее щиколотку, Полина вскрикнула.

– Ничего страшного, сейчас наложим тугую повязку, утром нога будет как новенькая, – достал из стоящей возле стены сумки эластичный бинт, начал умело бинтовать. – Хотя и старенькая ничего, – улыбнулся лукаво.

– Вы возите с собой это? Зачем? – спросила Полина, даже не отреагировав на его явную провокацию.

– Привычка, увлекаюсь горными лыжами, поэтому привык иметь с собой все на случай травм.

– А Вы адресом, случаем, не ошиблись? По-моему, насчет горных лыж в Тунисе Вы погорячились!

– А ты язва, Полина!

– Мы уже на «ты»? И за язву спасибо особое. И уже второй раз спасибо.

– Хочешь сказать, что на брудершафт не пили? Сейчас исправимся! – открыл бар. – Что пьем: коньяк, шампанское?

Первым порывом души Полины было возмутиться, встать и уйти. Но она уже уходила от него красиво примерно полчаса тому назад. И что? Сидит у него в номере на кровати с перебинтованной ногой, больно кстати. А может, правда надо посмотреть на все проще? Приятный мужчина, шампанское французское. И он так заботлив сейчас был – почему бы и нет?

– Шампанское. И без брудершафта.

– Как скажете. Любой каприз!

Павел так ловко откупорил бутылку, так красиво наполнил бокалы, что Полина немного расслабилась и улыбнулась.

– Ну вот, это даже лучше брудершафта сейчас – Ваша улыбка. Давайте за удачное начало отдыха!

– Да уж! Удачнее не придумаешь! – шампанское было действительно очень вкусное, холодное, она с удовольствием сделала несколько глотков.

– Знаете, Полина, я хочу извиниться. Я человек прямой, поэтому скажу как есть. Все так глупо складывается, вроде ничего плохого не сделал, а так получилось, что обидел Вас. Я когда Вас увидел еще в Домодедово, подумал: есть же мужчины, которым так везет, такая женщина рядом. А когда в самолете понял, что Вы одна летите, сердечко так колыхнулось, решил, что во что бы то ни стало познакомлюсь.

– И познакомились, в туалете – так романтично! С трудом верится, что Вы думали обо мне, так мило щебетали с соседкой!

– А ты язва, Полина!

Она вскинула на него удивленные глаза: опять?!

– Что касается Карины...

– А, так ее Карина зовут, – перебила Полина.

– Что касается Карины, то она действительно только попутчица, да и не интересна она мне! – явно вспылил. – И я ей все объяснил.

– Объяснил? А что Вы могли ей объяснить?

– Полина, да оставьте Вы ее! Давайте о нас, мне так приятно с Вами разговаривать, мне смотреть на Вас приятно. Давайте Вы перестанете на меня злиться и позвольте мне немножко за вами поухаживать. Расскажите мне лучше про Тунис, Вы же здесь свой человек, я видел, как вас встречают, наверное, все знаете. Куда можно поехать, что посмотреть?

– Вы тоже любите путешествовать? – оживилась Полина. – Не будете с утра до вечера наливать пиво у бассейна?

– Да Господь с Вами! Хочу в Сахару. А еще есть что посмотреть?

– Ой, сколько есть! Сахара да, конечно, а еще Эль – Джем, еще заповедник Фригия с шоу зулусов, римский город Дуга, Карфаген, город художников Сиди – абу – Саид...

– И Вы везде были, Вы все это видели?!

– Конечно, я не лежу часами на пляже, скучно, я лягушка – путешественница.

– Как мне повезло, Вы будете моим гидом? А Вы надолго приехали? Мы успеем все посмотреть?

– Я приезжаю на две недели всегда, но у меня таласса...

– А что это? Что Вы там делаете?

– Изображаю из себя миллионершу, – рассмеялась Полина.

Лед растаял, выяснилась их общая страсть к путешествиям, Полина была замечательной рассказчицей, она так «вкусно» описывала все, что уже видела здесь, что ПВ слушал, затаив дыхание. Правда, иногда он терял нить рассказа, пото-

му что все больше погружался в глубину ее глаз, понимая, что пропал.

– Вы меня не слушаете!

– Что Вы, я просто думаю, как нам все успеть.

Полина, как будто очнувшись, посмотрела на часы: за разговорами они засиделись за полночь. Здесь это не время, конечно, но после дороги хотелось лечь пораньше, а тут такие страсти разгорелись.

– Знаете, пора спать, завтра не встану к завтраку.– И вдруг она вспомнила про ключ. – Что делать?

– Я сейчас все устрою, подождите меня здесь.

Минут через десять ПВ вернулся с администратором, что дежурил на ресепшен, тот сам принес ключ, естественно не отдав его ПВ.

– О мадам! – посочувствовал, взглянув на перевязанную ногу. Отдал ключ, спросив, не нужен ли врач.

– Спасибо, сами справимся, – поблагодарил ПВ.

Нога уже почти не болела, опираясь на руку ПВ, Полина босиком доковыляла до своего номера, открыла дверь.

– Доброй ночи, Полина, как хорошо, что Вы больше на меня не сердитесь.

– Считайте, что мы выпили на брудершафт, я на тебя не сержусь. Доброй ночи!

Несмотря на усталость после дроги, спать не хотелось. Еще днем она мечтала, как долго будет сначала отсыпаться, а сейчас сна как не было. С трудом дохромав до ванной, она

приняла душ, вернувшись в комнату, с удовольствием посмотрела на открытый шкаф, где висели ее платья. Похвалила себя, что не поддавалась провокации со стороны себя самой в минуты нахлынувшей депрессии, и все-таки привезла достаточно нарядов. Стимул выглядеть теперь появился особый. И вдруг она как бы очнулась: в нарядах – то все нормально, а без них? Полина совсем забыла про пляж: одно дело, когда она купается одна, она знает, что ей уже не двадцать и даже не тридцать пять. А вот в присутствии ПВ ей не хотелось проигрывать по всем позициям рядом с молодыми и длинноногими. «Дура! – подумала о себе любимой ласково. – А то он не видит, сколько тебе лет. А вот пусть сравнит с моими ровесницами! И правда, дура – нашла о чем».

Утром долго не могла проснуться, радовалась, что на талассу только завтра, сегодня воскресенье, можно не торопиться. Нога уже практически не болела, ничего, после массажа все пройдет. Позавтракав с аппетитом, отправилась купаться. Нашла лежак на любимом месте, молодой человек, который вчера чем-то не угодил нашему братку, увидев ее, уже торопился с матрасиком. Сначала купаться, кофе потом – скомандовала сама себе. Полина с удовольствием заходила в море, оно было настолько чисто и прозрачно, что видна каждая песчинка, переливающаяся в солнечных бликах, из-под ног во все стороны разбегались, нет, расплывались стайки маленьких вертких рыбок. Плавать она любила, получала истинное удовольствие и плавала долго, пока не начинала

чувствовать усталость. Вернувшись, достала молочко для загара, начала медленно натирать им сначала руки, потом живот.

– Хочешь помочь? Такая красивый и один! Вери найс! – продавец из магазина сувениров на пляже, который скучал в ожидании покупателей, не растерялся, увидев незагорелую русскую. Раз без загара, значит только приехала, раз без спутника, значит вполне возможно, захочет развлечься. «Началось!» – подумала с досадой.

– Спасибо, я сама справлюсь, – старалась не грубить, но ответила твердо, чтобы больше не приставал.

Полина знала, что проблема и этого сервиса здесь решена. Наши женщины, замотанные, часто содержащие всю семью, зарабатывающие достаточно денег, имеющие все, кроме мужской ласки (а где ее взять, если ни мужиков, ни времени на них нет), приезжая на отдых, позволяют себе расслабиться по полной программе. К их услугам молодые, горячие восточные красавцы. И берут они недорого. Она женщин не осуждала, каждой хочется хоть недельку побыть королевой и чтобы, если и не король, то хоть принц рядом. А еще в первый приезд ее поразил тот факт, что на улицах она довольно часто видела странные пары: парень-араб и старушка-француженка, которые прогуливались, держась за руки, или сидели на скамеечках, обнявшись. Гидша (не поворачивается язык называть милых молодых девушек словом гид) сказала, что это нормальная картина для Туниса, таким образом

парни могут уехать отсюда, оформив брак, получить французское гражданство, чего многие очень хотят, а богатые дамы – потешить себя на старости лет молодым телом. Одним словом, к обоюдному удовольствию...

– Я знал, как найти тебя, и не ошибся!

– Как же?

– Искал самый красивый купальник – и вот! Доброе утро, Полина!

– Уже, наверное, добрый день!

Разговаривая, ПВ незаметно (это он так думал) старался рассмотреть Полину. Про купальник он не лукавил, оказывается, два кусочка ткани тоже могут выглядеть очень элегантно. А может, все дело в женщине, которая даже эти кусочки умеет носить так? Роскошный цвет фуксии, минимум «бриллиантов» – вспомнил вчерашнюю историю с босоножкой, именно так называла Полина стразы. Что-то говоря про погоду, про небо и солнце, он увидел главное (а кто его осудит? – видеть женщину, которая до этого понравилась в одежде, практически раздетой – и не рассмотреть?). Если бы он не знал, что у нее взрослый сын и что сорок-то ей точно есть... Она действительно была хороша, даже на фоне молодых и длинноногих, как она говорила. Хорошая кожа, едва тронутая нашим северным загаром, никакого намека на целлюлит. А как ей идет эта шляпка!

– Ну как, по какой шкале оценивали? Сколько баллов? – он даже сначала не понял, не расслышал.

– Прости. Полина, наверное, это бестактно, но ты очень красивая. Прости.

– Прощу, если принесешь кофе и мороженое. А где твои вещи? – спохватилась она. – Ты уже купался?

– Вещи сейчас принесу, – он придвинул свободный лежак, – уже искупался, за кофе сейчас иду.

Полине вдруг стало так спокойно, так как-то тепло на душе, что даже слезы на глаза навернулись. Второй раз за сутки! И это притом, что она не позволяла себе плакать с тех времен, как осталась одна с ребенком, как должна была не только выживать, но и жить тоже хотелось. До мужчин ли ей было? А потом одиночество стало ее привычкой, ее нормальным, естественным состоянием. Впрочем, почему одиночество? А мамочка, а сын? Не надо лукавить, женское одиночество не заполнят ни дети, ни родители. Рядом должен быть мужчина, внимательный, заботливый – вот это нормальное состояние женщины.

ПВ вернулся с кофе и фруктами, захватив и пирожные.

– Не знаю, как тебе, а мне после купания хочется что-нибудь съесть.

– Я сейчас открою тебе страшную тайну: я не сижу на диетах, ем после шести (после шести, правда, нельзя, а после семи, еще лучше после восьми – хорошо идет) и вообще люблю поесть.

– Глядя на тебя, поверить в это трудно, право, Полина!

– Пока я здесь, я растолстею, а приеду домой – быстро

сброшу.

– Фитнес?

– У меня свой фитнес, с утра и до вечера, давай не будем о грустном.

У ресторана послышался очень громкий смех, веселый гомон. Знакомые все лица! Наш браток в окружении трех молоденьких девиц, явно еще не протрезвевший после ночи, явно поправивший здоровье в баре, похлопывал девушек пониже спины, они визжали от удовольствия, подставляя не отягащенные стрингами попы. Подойдя к краю бассейна и продолжая пощипывать своих дам, браток неожиданно обхватил их и прямо так, охапкой, толкнул в бассейн. Девушки завизжали, браток заржал, женщины, которые в это время занимались в бассейне с аниматором водной аэробикой, бросились врассыпную. Шутка удалась. Браток отвернулся и, не обращая внимания на барахтающихся подружек, пошел к теннисному столу, как-то сразу успокоился и заснул в кресле, не дождавшись, пока партия будет закончена. Не Куршавель, конечно, но тоже ничего себе развлечение.

– Полина, нам сегодня нужно встретиться с Наташей и оплатить экскурсии. Куда поедет?

– Надо посмотреть по датам. Она должна быть вечером, давай подойдем перед ужином.

Они еще поболтали, с интересом разглядывая публику у бассейна. Совсем рядом расположилась пара, которая, наверное, у всех отдыхающих вызывала умиление и безмерное

уважение. Супруги, очень пожилые французы (явно хорошо за 80), она еще бодренькая, а он едва мог лежать, с трудом передвигался, на лежак мог опуститься только с чьей-либо помощью, надо заметить, что все, кто находился рядом, буквально бросались на помощь, если таковая была нужна. С умилением глядя на них, Полина думала, какое счастье – прожить рядом жизнь и вот так вместе состариться. И вдруг, неловко повернувшись, старик упал с лежака. Четверо парней бросились к нему, бережно подняли и уложили на место, надо сказать, что ни сам пострадавший, ни его жена особо не переживали, видимо, это было уже не первый раз. Они успокоились и продолжали принимать воздушные ванны, конечно, ни о купании, ни о загаре речь не шла.

Вечером Полина и ПВ встретились в холле. В ожидании, пока Наташа освободится, решили выпить кофе. К явному удовольствию Полины, ПВ оказался тоже кофеманом со стажем. Она пообещала отвести его в магазинчик, где всегда покупала кофе, чтобы привести домой и таким образом продлить удовольствие. Болтали ни о чем, ПВ опять незаметно разглядывал Полину, явно любуясь, и, как мальчишка, поглядывал по сторонам: завидуйте, мужики, это мне так повезло, она меня выбрала!

Полина опять приятно удивила его: длинная белая юбка в черный горох, черная открытая блузка, талия перетянута широким белым ремнем – все просто, но восхитительно элегантно. И все-таки главное украшение женщины – глаза,

а они у Полины сияли, была в них некая чертовщинка, но малая толика стервозности только украшает даму. Как редко ПВ встречал женщин, которые были так естественно элегантно и безупречно. В этот момент потрясающе безупречно и элегантно Полина «хрюкнула», втягивая через трубочку последние капли коктейля. Всем знаком этот звук, все когда-нибудь производили его на свет, пытаясь допить содержимое стакана до последней капли. Ничуть не смутившись, Полина расхохоталась:

– Как я Вам? Захочешь выпендриться – обязательно хрюкнешь или курицу на юбку уронишь. Ничего, что у меня высшее филологическое образование?

Теперь уже хохотал он, все больше наслаждаясь ее обществом. Мог ли он мечтать, когда ехал сюда, что уже на второй день пребывания здесь будет так счастлив?

– Мы опять на Вы?

– Извини, это я так. Пойдем, Наташа, кажется, освободилась.

Наташа встретила их улыбкой, бросила лукавый взгляд на Полину, одновременно удивляясь, что та с мужчиной и радуясь за нее.

– Добрый вечер! Наташа, познакомьтесь, это ПВ, мы хотим оплатить экскурсии.

– Да, Полина согласилась быть моим гидом, я здесь первый раз, ничего не знаю, а посмотреть хочется.

– Знаете, ПВ, Вам очень повезло, с Полиной будет инте-

ресно, она замечательная рассказчица!

– В этом я уже убедился, наслушался, теперь посмотреть хочется.

Полчаса просидели они, выбирая даты поездок, стараясь не навредить столь милой сердцу талассе. Наташа успокоила, сказав, что можно делать перерыв, если уезжаешь на экскурсию, это обычная практика. Опять же удовольствие от процедур растягивается.

После ужина сначала посидели в баре, выпили по коктейлю, запивая очень вкусную, но достаточно острую еду. «Что-то Карины не видно, – вдруг подумалось Полине, – да нужна она тебе?»

– Пойдем погуляем, а то мы совсем расслабились сегодня, едим, лежим.

– Это вначале всегда так, хочется хоть пару дней просто отдохнуть, выспаться.

Они вышли на большую открытую террасу, заставленную столиками, здесь можно было посидеть, поболтать, выпить кофе или не кофе, вид отсюда на парк, освещенный множеством всевозможных фонариков и подсветок, открывался великолепный. Как раз под террасой находился ресторан; спускаясь вниз, в парк, по широкой мраморной лестнице, можно было видеть сквозь стеклянные стены, как официанты меняют скатерти, готовя столики к завтраку, а запоздавшие туристы доедают свой ужин, никуда не торопясь. Полине очень нравился парк, выбирая в первый раз отель по ка-

талогу, она сделала ставку именно на него и не ошиблась. Несколько садовников с утра до вечера холили и лелеяли каждый цветок, поливали, обрезали, убирали отцветшие и на их место тут же высаживали свежие. Роскошные цветущие кустарники, подстриженные самым тщательным и причудливым образом, пальмы, розы, пряные травы – здесь было все. Полина заметила и кое-какие изменения: видимо, отдавая дань европейской моде, в некоторых уголках парка сделали альпийские горки. Надо заметить, камни были необычного красно-белого цвета, растения на их фоне смотрелись особенно эффектно.

Полина и ПВ медленно шли по выложенной плиткой дорожке, прошли мимо бассейна и направились к морю. Обувь снимать не хотелось, поэтому на пляж выходить не стали, сели за столик у снэк-бара, он работал только днем, поэтому сейчас здесь никого не было.

– Полина, – он дотронулся до ее руки, – я хочу сказать спасибо, что ты появилась в моей жизни, прошло только два дня, а у меня такое чувство, что мы очень давно знакомы. Знаю, что звучит это банально, но это действительно так.

– Паша, можно я буду так тебя называть, не буду лукавить, мне тоже приятно наше знакомство, но давай будем относиться к этому просто как к бонусу на отдыхе, полученному, ну, от судьбы, например, – сказала, как бы пресекая всякие надежды на курортный роман, но руку убрала не сразу.

Полная луна отбрасывала, не скупясь, свет на море, волны

серебрились, переливаясь вдруг золотыми отблесками. Они так нежно и бережно омывали берег, словно лаская его, словно и на море так завораживающе действовала эта романтическая обстановка африканской ночи.

Вдруг, нарушая и их одиночество, и романтику ночи, послышались громкий говор и смех. Полина оглянулась. Компания во главе все с тем же братком, видимо, решила искупаться. Но дойдя до пляжа, они почему-то передумали идти к морю.

– Ха! Воркуете, голубки? – Карина наклонилась к ним так близко, что явно почувствовался запах виски. Она была пьяна и не контролировала себя. «Вот, а я переживала, что давно не видела ее», – промелькнула мысль.

– Ну, Паш, неужели эта старуха лучше, чем я? Мне-то всего 25, посмотри, какая у меня грудь, чем я тебе не хороша, а, Паш?

– Не ожидал, Карина, лицезреть тебя в таком виде! Это первое, второе: твои 25 затерялись в далеком прошлом, и еще. Твоя грудь – это последнее, что меня сейчас интересует! – ПВ резко поднялся, протянул руку оторопевшей Полине, очень демонстративно и в то же время нежно обнял ее за плечи:

– Пойдем, дорогая, не будем мешать отдыхать этим уважаемым людям.

Уважаемые люди застыли, как в немой сцене у Гоголя, видимо, они и сами не ожидали такой выходки Карины.

Полина в полном оцепенении сделала несколько шагов, потом резко остановилась, по щекам текли крупные редкие слезы, такие горькие бывают только в детстве, когда обидно – обидно.

– Третий раз за последние сутки! – проговорила она сквозь всхлипывания.

– Что? Что – третий раз? – он посмотрел на нее, легонько встряхнув за плечи и как будто испугавшись.

– Плачу, я уже несколько лет не плакала, а сейчас уже третий раз. Приехала отдохнуть, называется...

Он рассмеялся так громко и заливисто, что слезы ее как-то сразу высохли.

– Полина, дорогая, о чем? Разве стоит это твоих слез? Убогие люди убого отдыхают.

– Я правда уже выгляжу, как старуха? – слезы опять на-вернулись на глаза.

– Линочка, можно я буду тебя так называть? Я сейчас скажу тебе правду и только правду. Я когда тебя увидел, сердце стукнуло, как знак подало. Знаешь, я давно живу на свете, я много красивых женщин видел, ты не красивая (Полина вздрогнула, не зная, как реагировать на эти слова), ты та, ради которой хочется совершать подвиги и безумства, а красота Ваша, мадам, сводит с ума не только меня, я вижу, какие взгляды бросают на тебя мужчины разных национальностей и возрастов, – улыбнулся, стараясь свести все к шутке, как будто испугавшись тех чувств, которые невольно вы-

рвались. – Давай не позволим им испортить наш отдых, слышишь, какая музыка, пойдём, выпьем чего-нибудь, ты успокоишься.

Полина достала из сумочки косметичку, привела себя в порядок, вздохнула глубоко и улыбнулась:

– Я видела здесь подобные сцены, но никогда не думала, что стану их участницей.

Они нашли свободный столик, ПВ принес кофе знаменитый тунисский ликер.

– Давай за наше первое общее приключение! Знаешь, что связывает людей сильнее всего? – Общие воспоминания. А они у нас уже есть!

На сцене мальчишки – аниматоры всю старались, развлекая публику, устроили шоу с переодеванием в женские платья, хотя если честно, то выглядело это, как дешёвая самодеятельность. Впрочем, это и была самодеятельность, чего мальчишек строго судить? Публика смеялась, подогревая себя напитками (все включено!), но все ждали, когда начнутся танцы. Наконец участники шоу приняли свой привычный вид, зазвучала музыка. «Арам-зам-зам, арам-зам-зам» – это было сигналом, желающие показать себя поднялись на сцену. Танцующие повторяли движения за аниматорами, особенно старались девушки, да их и было большинство. Полина обратила внимание на самую маленькую ростом, у нее и фигурка полновата, но пластика, чувство ритма – выше всяких похвал. Подружки модельной внешности проигрывали

на ее фоне. Вдруг из ресторана появилась компания во главе с братком, это больше напоминало восточный гарем, потому что мужчин, кроме Вовчика (его так называли девушки), не было. Они запоздало торопились на звуки музыки. Девушки, в том числе и Карина, попрыгали на сцену, а Вовчик устроил показательные выступления внизу, прямо у ближайших столиков. Выглядел он довольно комично: белая брючная пара, явно недешевая, кожаные летние туфли в тон, солидные часы, и при этом свекольно – красное лицо, то ли от чрезмерного загара, то ли от излишне принятого спиртного, бритый череп, нарушенная координация, и это при росте примерно 160. Стало понятно, почему при нем всегда несколько спутниц: мужчина был небеден и нежаден. Его танец был похож скорее на разминку боксера, тем не менее, зрители с удовольствием подбадривали его аплодисментами и одобрительными криками. На сцене тоже было довольно интересно. Карина с товарками оказалась на переднем плане, так как они пришли последними, старались девушки изо всех сил, но алкоголь – плохой помощник в танцах. Они начали откровенно приставать к аниматорам, те – убегать от них, стараясь обыграть все, как шутку. Одна из девушек, споткнувшись, упала, мальчишки ее на руках унесли со сцены, вызвав тем самым бурю аплодисментов и восторженных криков. Аплодировали французы, сидящие рядом, компания немцев, у которых стол был так плотно заставлен бокалами с пивом, что официанты не успевали уносить пустые, они смеялись,

веселились, но было на их лицах некоторый оттенок брезгливости: их женщины ничего подобного себе не позволят ни при каких обстоятельствах. Вовчик уже танцевал между столиками, вдруг он оказался возле двух пышногрудых и пышнобедрых красоток. Мимо такой роскоши он пройти не мог, тем более и красотки были непротив. Скоро на столе уже стояла бутылка виски (бутылку в баре взять было нельзя, давали только дринки, а Вовчику принес официант и с поклоном поставил на столик), а ценитель женских прелестей, стоя на одном колене, целовал ножку одной из дам, продвигаясь от щиколотки вверх. Та заходила счастливый смехом. Прежние пассии, заметив конкуренток, бросились со сцены к Вовчику, но тому явно было уже не до них.

– Может быть, мы пойдем? Я немного устала, и потом мне завтра рано вставать.

– Конечно, Лина! Что ж это за отдых ты себе устраиваешь, если рано вставать, как на работу?

– А таласса – это тоже работа, да еще какая! А между прочим, когда поедем в Сахару, отправление в 5 утра.

Они шли по дорожкам парка к главному корпусу. Очень темное южное небо, очень яркие звезды – не как у нас. Ночью дышалось гораздо легче, не было дневного зноя, а вокруг разливался аромат, смешанный из запаха моря и цветущих растений. Все это было похоже на сказку. «Как я могла раньше гулять здесь одна? Как мне могло это нравиться?»

– Знаешь, я поняла, почему вечернюю анимацию перенес-

ли с террасы главного корпуса к бассейну.

– А что, раньше это было по-другому?

– Конечно, просто еще в прошлый раз публика выглядела более респектабельной, знаешь, говорить это грустно, но русских было меньше – порядка больше. Так обидно, здесь так много наших, милых, интеллигентных людей, а запомнится браток с его гаремом, по ним будут судить о всех русских. А главное, обслуга здесь на все смотрит сквозь пальцы – тоже деньги любят.

– Да, а потом мы со всех трибун кричим, что к русским за границей относятся хуже, чем к представителям других национальностей.

Они попрощались у дверей номера Полины.

– Ты во сколько освободишься? Как мы найдемся?

– О, это очень проблематично! Встретимся за обедом, а после обеда едем во Фригию, не забыл?

Утром, после завтрака Полина отправилась на талассотерапию. Улыбчивая медсестра на ресепшен выдала ей белый махровый халат, пластиковые очень симпатичные шлепанцы и сумку.

– Тапочки и сумка – подарок.

– Спасибо, я знаю, спасибо!

Прошла в раздевалку, отказавшись от предложения проводить (– я знаю, спасибо!), нашла свой шкафчик, взяв все необходимое, прошла в специальную кабинку для переодевания, с удивлением взглянув на двух дам, которые раздева-

лись прямо у своих шкафчиков – это же не баня! Заколов волосы и сложив все необходимое в сумку, вышла опять к ресепшен, к ней тут же бросился молодой человек:

– Мадам! Пожалуйста, мадам! – предложил пройти к лифту.

Она и сама хорошо знала дорогу, но так было приятно ощущать заботу о себе, ей так нравилась обстановка здесь: милый, улыбчивый персонал, идеальная чистота, богатство и изысканность интерьеров и везде цветы, цветы... даже, простите, в унитазах лепестки роз. Сопровождающий проводил Полину к комнате, где должна была проходить первая процедура по ее индивидуальному расписанию, предложил подождать, раскланялся и ушел. Полина с удовольствием оглядывалась: ничего не изменилось, все так же доброжелательны и улыбчивы, такая расслабляющая и приятная атмосфера. Очень красивая арабка вышла из комнаты:

– Полина, пожалуйста!

Она помогла Полине снять халат, повесила его на что-то подобное полотенцесушителю, чтобы по окончании процедуры халат был теплый. Жестом пригласила в роскошную ванну, где даже упор для ног был скорректирован по ее росту. Полина удобно улеглась, девушка налила в воду масло и какие-то благовония, включила программу. Вода в ванне забурлила, запереливалась разными цветами (заработала подсветка), на электронном табло на стене напротив побежали разноцветные точки, показывая, на какие зоны организма

идет в данный момент воздействие. Было так хорошо, как она скучала по этим ощущениям! Периодически заглядывала девушка:

– Хорошо, Полина?

Полина расслабленно улыбалась и кивала.

Двадцать минут пролетели, программа автоматически выключилась, девушка помогла надеть теплый халат, Полина положила ей в кармашек «тугрик», та проводила Полину в холл, предложила зеленый чай и осталась ждать, пока клиентка отдохнет и выпьет свой чай. Вот сей факт Полину удивлял больше всего: кто бы у нас стал так опекать клиентов, дали в руки расписание процедур – и вперед. Здесь же после окончания процедуры та медсестра, которая выполняла ее, провожала клиентку в следующий кабинет, предлагала чай или воду и ждала, когда дама будет готова. Дальше было обертывание водорослями, потом массаж. Полина была безмерно довольна и счастлива. Когда она шутила, что на талассе чувствует себя миллионершей, в этом была толика правды: за не очень большие деньги (в Москве эти процедуры в разы дороже, притом, что все расходные материалы привозные и не первой свежести) она получала такое внимание, такой сервис, о каком мечтать не могла дома. К сожалению.

Выходя из центра по внутреннему переходу и направляясь к себе в номер, она ощущала себя немножко усталой, но как бы заново рожденной. Кожа, напитанная благотворными маслами, разгладилась, стала упругой и свежей. И это только

после одного первого дня!

До обеда оставалось время, чтобы привести себя в порядок и собраться, сегодня они едут во Фригию. Полине очень нравился этот заповедник, язык не поворачивался назвать его зоопарком, потому что звери там жили не в клетках и тесных загонах, а на огромных пространствах, огороженных, конечно, но территории были настолько велики, что посетители смотрели на зверей сверху, проходя по своеобразным мостам, перекинутым над вольерами.

Полина выбрала шелковые белые брюки и открытую блузку модной леопардовой расцветки. Подумала и решила взять легкий жакет: возвращаться будем поздно.

ПВ ждал ее в холле, увидев, буквально бросился навстречу, не пытаясь скрывать радость:

– Лина, дорогая, я так скучал! Как таласса?

– Как всегда – божественно!

Делясь своими впечатлениями, Полина спускалась с ПВ в ресторан и не видела, увлеченная рассказом, что за столиком, несколько скрытым южкой, растущей в большом керамическом горшке традиционной тунисской формы, сидела Карина. Излишне ярким макияжем она, видимо, пыталась скрыть последствия бурной ночи, которые у женщины всегда выдает именно лицо. Глаза ее выражали уже не просто ревность, а неприкрытую ненависть.

– Подожди, моя еще возьмет! Ишь ты, какая чистенькая, интеллигентненькая! Ничего, я что-нибудь придумаю, я его

тебе не отдам, уже из принципа.

Заповедник Фригия – одна из достопримечательностей Туниса, находится он недалеко от Сусса, поэтому едут туда после обеда: можно все осмотреть, погулять и как раз к началу шоу зулусов устать и проголодаться. Впечатление он производит сразу, когда проходишь как будто через сказочные ворота и видишь остров розовых фламинго. А дальше сказка продолжается. Полина и ПВ смотрели с мостика над львиным вольером, как мама-львица играет со своими очаровательными львятами, такими забавными и неуклюжими, что глаз отвести было нельзя. Папа-лев лежал невдалеке, гордый и невозмутимый. А вот пантера в своем вольере была чем-то очень взволнована и грозно рычала, смотря вверх на туристов.

–Как хорошо здесь животным, они в естественном климате, в очень больших вольерах, сытые и ухоженные.

Если взрослым было интересно, то что же говорить о детях? Кругом звучала разноязыкая речь, эмоции выражались по-разному, но бесспорным одно: удовольствие было трудно с чем-либо сравнить. У вольера со слонами особенно многолюдно, это и понятно: слоны высовывали хоботы, делая ими как бы просящие движения. Это вызывало бурю восторгов. ВП дал служителю «тугрик», тот с готовностью протянул яблоко, приглашая жестами Полину подойти поближе и не бояться.

– Лиана, не торопись! – крикнул ВП, выбирая место, откуда

ракурс будет лучше.

У Полины было очень мало фотографий с прошлых поездок, сама себя не сфотографируешь, а просить все время кого-то неловко. Зато сегодня она позировала столько! Казалось, ПВ хотел запечатлеть каждый шаг, каждое мгновение, проведенное вместе. У него был очень серьезный аппарат, фотографией увлекался еще с юности, всю жизнь мечтал о зеркальной оптике, теперь вот смог себе позволить. Много снимков привозил, когда ездили кататься на горных лыжах, но там величественные вершины и снег. А теперь будут пальмы, море и ... Лина.

Они до вечера бродили по дорожкам, заходили в сувенирные лавки, болтали ни о чем и обо всем. Практически одновременно обоим пришла в голову одна и та же мысль, что давно уже ни с кем не было так легко, спокойно и уютно находиться рядом. ВП решился сказать об этом вслух:

– Знаешь, Лина, мне давно уже не было так хорошо...

– Сейчас у зулусов будет еще лучше, – попыталась свести все к шутке, испугавшись, что ВП читает ее мысли.

Туристов пригласили в большой стилизованный шатер, в центре которого было некое подобие сцены с большими столбами, увешанными деревянными африканскими масками. Столики стояли по кругу, Полина и ВП сели очень удачно, видно все было отлично. Во время ужина подавали национальные блюда: очень сытный кус-кус, картофельные лепешки и местное вино. Проголодавшиеся гости с аппетитом

ели, пили вполне хорошее вино и смотрели шоу. Зулусы, конечно, были вполне цивилизованные, но очень колоритные: набедренные повязки, праздничная раскраска и ритмичные танцы, словно они веселились в своей деревне вокруг ритуального костра. Полина это уже видела, но тоже поддалась общему настроению, а ПВ не выпускал из рук камеру, ему хотелось запечатлеть каждое мгновение, хотя странно: снимал зулусов, а в каждом кадре Полина. Сытая, отдохнувшая публика, разгоряченная вином, экзотикой и ритмичной музыкой, сама уже не могла усидеть на месте. Всех желающих пригласили в центр зала к сцене, можно было потрогать инструменты, даже попробовать поиграть на них, можно было потанцевать с артистами, которые были готовы показать основные «па», можно было поближе рассмотреть их, а главное – с ними сфотографироваться. Полине очень хотелось такое фото, но она немного стеснялась. Вдруг к ней подбежал молодой зулус, слегка приобнял и немного развернул, они оказались как раз перед объективом ПВ, он быстро щелкнул и жестом показал: здорово! В это время другой зулус, явно уже без участия ПВ, бросился к ним, держа в руках роскошный плюмаж с белыми перьями, водрузил его на голову Полине – хорошо! красиво! – они с двух сторон прильнули к ней, ПВ даже дар речи потерял: снимал и снимал, стараясь сделать как можно больше кадров, чтобы потом выбрать лучшие. Фотографии действительно получились отличные, особенно та, с плюмажем, Полина, глядя на нее почему-то вспо-

минала Татьяну Шмыгу, которая во многих опереттах была в таких «перьях» на голове. Зулусы с явным сожалением «отлипли» от Полины, их уже теребили другие зрители. ПВ дал им несколько динаров, поблагодарив, показали на Полину:

– Твой женщин хорошо, красиво! Белый!

«А ведь и правда: моя женщина», – подумал ПВ, испытывая одновременно и удовольствие от этой мысли, и какое-то приятное беспокойство.

Когда садились в автобус, была уже ночь, время у зулусов пролетело незаметно. Все возбужденно шутили, делились впечатлениями, а впечатления на самом деле были прекрасными – ну где еще такое увидишь и так повеселишься! Только Полина и ПВ не принимали участия в общем обмене мнениями, они молчали. ПВ помог Полине накинуть на плечи жакет и как бы случайно забыл руку у нее на плече, подождал, ожидая реакции – возражений не последовало, тогда, немного осмелев, обнял свою даму, а она так легко и естественно, будто делом это было привычным, положила ему голову на плечо и закрыла глаза. ПВ подумал, что она хочет спать, они действительно устали, много ходили по парку, а потом столько эмоций! Известно же, что от эмоциональных впечатлений устаешь больше, чем от физических нагрузок. На самом деле Полина спать ничуть не хотела, хотя и правда устала. Она просто боялась, оставшись с ПВ вдвоем, выдать свою тревогу, свои мысли. А мысли расслабиться не позволяли. Сегодня вечером Полине стало по-настоящему страш-

но. В этот раз все пошло как-то не так, с первого дня начались проблемы, сцены, слезы – и все из-за ПВ. Она давно уже свыклась с мыслью, что обречена на одиночество, что ничего в ее жизни уже не изменится. Полина не чувствовала себя несчастной, отнюдь. Она занималась сыном, работала с детьми в школе, была очень привязана к маме. Теперь вот сын совсем взрослый – и занимается ею, эта поездка ведь тоже его подарок. И в профессии она состоялась. Полина шила и вязала себе совершенно эксклюзивные вещи, любила и умела наряжаться. Она была очень ухоженной, очень эффектной – и одинокой. Всегда возмущалась, когда женщины говорили, что красятся и одеваются для мужа или для любовника. Полина все делала для себя и для своих близких. Когда-то она услышала случайно фразу, которая поразила своей глубиной и естественностью: последний мужчина, которому хочет нравиться женщина – это ее сын. А у Полины был сын, значит, это и о ней тоже. Ее сын учился в той школе, в которой работала и она сама. Были трудные 90-ые, когда ни денег, ни возможности что-либо купить, даже если деньги появлялись, не было. Ночами, уложив ребенка, Полина что-то шила или вязала, чтобы и самой выглядеть достойно на фоне других женщин-преподавателей, и сын в классе был одет не хуже других. Случился парадокс: в результате ее стараний и ее мальчик, и сама Полина были одеты не только не хуже, а гораздо лучше многих других. Она вспомнила, как однажды ее Егорушка вернулся из школы явно чем-то очень

обеспокоенный, на все вопросы отмалчивался или отнекивался. Потом, видимо, не выдержав, подошел сам:

– Мама, а что такое – элегантная женщина, это какая? – и замер...

– Ну как тебе сказать: женщина, модно и со вкусом одетая, аккуратно причесанная, всегда хорошо выглядящая.

Полина увидела, как прямо на глазах расслабился ее сын, с него прямо «сползло» напряжение, он вдруг радостно улыбнулся. Оказывается, Полина на перемене проходила по этажу, где занималась начальная школа, учителя стояли, собравшись в кружок, наблюдали за детьми. Егор, крутившийся рядом, услышал, как кто-то из них сказал о его маме:

– Какая элегантная женщина эта Полина! И когда успеет?

После этого маленького происшествия Полина еще раз убедилась, как важно, чтобы наши дети могли гордиться нами. С тех пор убеждение это только усилилось.

И вот теперь Полина была в смятении: что происходит? Ее жизнь, стабильная, налаженная, куда-то подевалась, начались прямо шекспировские страсти. Нужно ли это ей? Закончится отдых, а душа как? А сердце? Нужно ли это ей? За чем нарушать тот мир, в котором она живет? Ответа пока не было. Внутренний голос, конечно, пытался взять слово, но попытка не увенчалась успехом. А ведь он, этот самый внутренний голос, хотел напомнить Полине, что жить без любви женщина не должна, это противоестественно.

Вернулись в отель поздно. Опять попрощались у дверей номера:

– Я понимаю – завтра рано вставать. Доброй ночи, Полина, дорогая. И спасибо тебе.

– Спасибо? За что?

– Прежде всего, за то, что ты есть, что теперь есть в моей жизни. Ну, и за прекрасный вечер, конечно. Завтра буду ждать у бассейна, на нашем месте, – он взял ее руку и поцеловал пальчики, подумал, как здорово это звучит: наше место!

Назавтра на талассе опять были самые приятные впечатления и ощущения. Лежа в капсуле, обмазанная до кончиков пальцев теплой кашецей из водорослей, которые пахли почему-то креветками (а чем, собственно, должны пахнуть водоросли?), она слушала музыку, приятную, расслабляющую – никакой эстрады, только классика. Старалась ни о чем не думать. И не думала, просто получала удовольствие. Позже в холле, когда пила чай, познакомилась с двумя немолодыми, очень доброжелательными француженками. Они заговорили с ней по-французски, она, естественно, ничего не поняла, сказала по-английски, что она из России, дамы приветливо заулыбались, заговорили с женщиной – врачом, которая вышла холл. Та на плохом русском попыталась перевести Полине, что француженки удивлены: Полина не похожа на русскую, и тоже очень по-доброму улыбнулась. «Интересно, почему не похожа?» – подумала, но тут же отбросила эти мыс-

ли, потому что ее пригласили на массаж.

Потом было естественное продолжение «лечения морем», именно так переводится это мудреное слово – талассотерапия. Они выкупались с ПВ, немного полежали на солнышке до обеда, поболтали, вспоминая вчерашнее шоу.

– Что будем делать после обеда?

– Я бы хотела заняться шопингом, но ведь мужчины это дело не любят.

– Почему же? Я сам хожу по магазинам, сам все покупаю.

– Это немножко другое: одно дело, когда идешь в магазин, зная, что тебе надо, например, хлеб, молоко, фрукты купить, покупаешь за несколько минут – и готово. Другое – когда не знаешь, за чем идешь вообще, смотришь, выбираешь, примеряешь и получаешь удовольствие.

– Я тоже хочу научиться получать удовольствие от шопинга. Возьми меня с собой! – сложил умоляюще руки.

– Хорошо, тогда начнем с Медины, это старый город, я туда хожу, как в музей, там колорит восточный, атмосфера, это главное, ну и сам процесс торговли, конечно. Это ни с чем не сравнимо! Кстати, тебе нужны сувениры для друзей, для родных? Здесь можно недорого купить массу забавных и нужных вещей.

– Да, хотелось бы что-нибудь другу и его жене привезти. А себе – не знаю, что понравится, то и куплю. Хочу просто получать удовольствие от шопинга, вместе с тобой.

На Медину Полина действительно любила ходить, она го-

ворила правду: Старый город можно было воспринимать как музей. Одно только вызывало раздражение – очень приставучие продавцы. Они почему-то абсолютно правильно определяли национальность тех, кто проходил мимо, особенно любили русских. Полина не удержалась как-то и спросила одного местного, когда покупала у него специи, почему так. Он объяснил, все оказалось довольно просто: русские легко расстаются с деньгами, не жадничают, почти не торгуются (хотя это плохо: торговля на восточном базаре – самое главное), а вот американцы самые жадные, англичане мало покупают, только смотрят, немцы считают каждый динар.

После обеда они встретились в холле. Но этому предшествовала одна неприятная сцена. Полина пошла переодеться, все-таки они в мусульманской стране, поэтому, собираясь на Медину, женщина должна одеться так, чтобы ее наряд не оскорблял чувства местных жителей, то есть плечи нужно прикрыть, юбка не должна быть короткой, вот Полина и отправилась к себе, чтобы одеться подобающим образом. ПВ остался в холле, поменял на ресепшен деньги и взял в баре чашечку кофе. Только он устроился за столиком так, чтобы сразу увидеть Полину, как увидел совсем другую женщину: из противоположного конца холла к нему шла Карина, ПВ показалось, что она его поджидала специально. Уже хорошо загорелая, в очень короткой юбке и таком открытом топе, что, казалось, грудь выпадет при первом же неосторожном движении, она напоминала женщину вполне определенной

профессии. Нет, курорт есть курорт, и здесь многие женщины, особенно имеющие хорошую фигуру, позволяют себе такие откровенные наряды, о которых дома ни не то, что надеть – подумать бы не могли. На то он и курорт. Но на Карине это выглядело достаточно двусмысленно и призывно. Она подошла к столику, у которого присел ПВ, села рядом, достала сигарету, потянулась к ПВ, ожидая, что тот достанет зажигалку и даст ей прикурить.

– Не курю. И потом, Карина, это столик для некурящих.

– Плевать! Ну, как отдыхается? Деньги менял, идешь свою кралю гулять? Скажи, – она наклонилась к нему так близко, что практически выпавшая грудь оказалась совсем рядом, он увидел мелкие прыщики, которые издали из-за загара были незаметны, – что ты в ней нашел? Неужели вокруг мало молодых девчонок, о себе я уже не говорю, – картинно закинула ногу за ногу.

– Нашел то, Карина, чего ни у тебя, ни у твоих девчонок нет. Извини за откровенность, – минуту помедлил. – А ты хорошая актриса, никогда бы не подумал в самолете, что ты способна вот так...

– А чего мне прикидываться? Отдыхаю, как хочу. Ты думаешь, Полина твоя такая вот вся чистенькая, умненькая, интеллигентненькая? А что ты про нее знаешь?

– Знаю главное: она настоящая, она женщина из мечты, она та, которую можно всю жизнь искать и не встретить. А мне повезло. – ПВ сказал это так, что Карина, забыв прику-

ритель, медленно убрала зажигалку в сумочку, медленно встала и, не оглядываясь, медленно пошла прочь.

А он сидел, не заметив даже ухода Карины, сам пораженный тем, что сказал сейчас. Все, что творилось сейчас в душе, что вдруг стало смыслом жизни, обрело словесную форму, стало вдруг таким понятным и естественным.

– Что-то случилось? – перед ним стояла Полина, – ты почему какой то не такой?

Словно очнувшись, он поднял на нее глаза и обомлел: Полина, в потрясающем комбинезончике с собранными на манжеты у щиколоток на восточный манер штанинами, в болеро, в шляпке с цветами, выглядела одновременно и элегантно, и слегка легкомысленно, выглядела так, что дух захватывало.

– Что-то не так? Я и ноги, и плечи закрыла, – улыбнулась вполне невинно, торжествуя в душе, что произвела такое впечатление.

Таксисты, дежурившие у отеля, бросились им навстречу. Полина сказала, что у них дорого, надо просто поймать на улице. Но ПВ не слушал ее, уже открывал дверцу машины, он даже не договорился о цене. Пока ехали, таксист, араб средних лет, то и дело в зеркало заднего вида поглядывал на Полину, ПВ рассмеялся:

– На дорогу смотри!

– Красива русска! Вери найс! – прищелкнул языком.

Тем не менее, высаживая их у Медины, заломил двойную цену.

– Это же грабеж! – возмутилась Полина, но ПВ, мягко приобняв ее, слегка подтолкнул вперед, давая понять, что торговаться они не будут.

Медина действительно производила впечатление: величественный Рабат, смотровая башня, но самое главное – люди, которые четко делились здесь по интересам. Одним надо было продать, а другим не то, чтобы купить, а скорее, просто «глаза почесать», полюбопытствовать. Этими другими были иностранцы, и многие из них даже не подозревали, насколько «обутыми» они уйдут с Медины. Дело в том, что ушлые продавцы сразу определяли «свеженьких» туристов, еще не искушенных как в реальных ценах, так и в правилах торговли. Делалось это просто – по загару.

Чего тут только не было! Традиционные восточные сувениры, специи, много-много золотых лавок, кожа... Кожу в Тунисе выделывали прекрасно, правда, вот шить не умели. Полину всегда охватывало такое чувство сожаления, что из кожи прекрасного качества шились такие убогие пальто, куртки, неужели нельзя что-то сделать, как-то подсуетиться? Но что касается сумок, здесь дела обстояли лучше. Можно было купить и дамскую сумочку, и вместительную дорожную, и роскошный кофр. Вот именно кофр Полина и хотела купить в подарок сыну. Она уверенно шла по узким улочкам, не реагировала на приглашения зайти в лавки – только посмотри! – зная, что если зайдешь, то там тебя подвергнут такой обработке, что лучше что-нибудь купить, только бы от-

стали. Наконец, она увидела то, что искала: хорошо сделанные кофры очень элегантного коричневого цвета. Молодой продавец обрадовался потенциальной покупательнице, пригласил зайти внутрь, широко улыбаясь и что-то бормоча о том, как он «лублу русска».

– Сколько? – спросила Полина.

– Посмотри, какая кожа, какой цвет, – парень суетливо начал показывать, как молния закрывается, какие кармашки есть внутри.

– Я все вижу. Сколько?

– Сто двадцать! Хорошая цена!

– Хорошая, не спорю. Двадцать!

Продавец предвкушал удовольствие, мадам будет торговаться!

– Мадам – бандито! Русская мафия! – улыбался, обращаясь к ПВ.– Сорок!

– Двадцать или ухожу! – Полина тоже улыбалась, она знала настоящую цену.

– Мадам – мафия! Хорошо, бери! Приходи еще! – потом посмотрел на ПВ, кивнул в сторону его дамы: Вери найс!

Когда они вышли из магазинчика, ПВ не мог скрыть своего изумления:

– Полина, не ожидал от тебя! Как это тебе удалось? Он же просил 120!

– В первый раз я так и платила, а теперь я уже ученая, цену, которую они называют, надо уменьшать в 5-6 раз, можно

даже и лучше сторговаться, как повезет. Иногда, правда, такие противные попадаются, тогда лучше у них не покупать, я сразу ухожу!

Они еще долго бродили по улочкам старого города, купили специи, масла, ПВ понравился кальян очень глубокого изумрудного цвета – замечательный подарок другу, о котором говорил, себе – «старинный» кинжал, потом еще накупили кучу всяких нужных или просто приятных мелочей. Усталые, нагруженные и довольные, они вышли, когда на улице уже темнело. Огнями переливались витрины государственного магазина «Зула», здесь цены были фиксированные, если не нравится процесс торговли, те же сувениры, кожу, золото можно приобрести здесь, правда несколько дороже. Вход в магазин охранял каменный верблюд, как бы прилегший отдохнуть и посмотреть свысока на суету, вокруг творящуюся. Спина его была отполирована тысячами туристов, непременно желающих на нем сфотографироваться.

Внутри магазин был по-восточному роскошным, в глазах рябило от сверкающих медных ваз, подсвечников, кувшинов, инкрустированных перламутром, сотен серебряных цепочек, висящих на бархатных подставках. А какие там были кораллы и турмалины! У нас Полина таких нигде не видела. Камни она любила, чувствовала их тайную силу, их магию. Но заниматься шопингом сил больше не было, решили в «Зулу» приехать специально еще раз.

Позже, за ужином они вспоминали свое маленькое при-

ключение, делились впечатлениями, каждый понимал, как легко и приятно им было вместе. Слушая Полину, ПВ думал, что с ней ему даже шопингом заниматься интересно. Она раскрывалась все больше: сегодня он увидел, как легко она общается с людьми, их все провожали с улыбкой, а сколько раз ПВ слышал: «вери найс»! А как он был горд этим!

– Полина, ты так интересно рассказываешь о камнях, а какой камень у тебя любимый?

– Лучшие друзья девушек – бриллианты, разве ты не знаешь, – рассмеялась, – а если серьезно, то я львица по гороскопу, поэтому мой камень – бриллиант. Кстати, знаешь, – перевела разговор, – здесь «Зула» – знак качества, все, что там куплено, не подвергается сомнению, у них это строго. Поэтому, если нужно купить что-то из ювелирных украшений или камни, – только в «Зуле».

– К сожалению, мне некому покупать ювелирные украшения, – разговор, кажется, пошел не в то русло.

– Давай выпьем за наши удачные покупки, за то, что ты сегодня тоже получил удовольствие от шопинга, – предложила Полина, – и за то, что ты составил мне компанию. Спасибо!

Через два дня они уезжали в Сахару. Накануне ПВ получил инструкции от Полины, что необходимо взять с собой, как одеться, а главное – не проспать, ведь отъезд в пять часов утра. Позавтракав в ресторане круасанами с кофе, они сели в автобус вместе с такими же сонными туристами, у которых страсть к путешествиям была больше, нежели тяга к

комфорту. Хотя, что касается комфорта, все было выше всяких похвал, недаром же эта двухдневная поездка в пустыню стоила довольно дорого. Автобус, как водится, собирал народ по всем отелям, где были отдыхающие этого туроператора, практически все, устроившись в очень удобных креслах, сразу же засыпали. Ехать надо было довольно долго, поэтому у всех была возможность доспать недоспавшее в отеле, тем более, что некоторые практически и не ложились – ночная жизнь на курорте – это то, что проспавать нельзя!

Часов в десять автобус понемногу начал просыпаться, гид, тоже спавший все это время, теперь же, взяв микрофон, представился, познакомил с маршрутом. Саид рассказал о себе, что учился в Москве, женился там на девушке из Иваново, привез ее сюда, он преподает высшую математику в местном институте, а когда есть время, подрабатывает гидом. Вот такие бывают интересные жизненные истории. Туристы очень скоро поняли, что Саид не только говорит хорошо по-русски, но и шутит по-нашему. Вообще, с ним повезло. Бывают гиды – зануды, бывают откровенные пофигисты, а иногда попадаются такие классные, как Саид.

Во время экскурсии, пока автобус едет к месту назначения, гиды рассказывают о стране в целом: обычаи, традиции, законы, социальная политика, образование, медицина – интересно все, если приехал первый раз. Полина еще дремала, уютно устроившись в кресле, слушала, как Саид что-то весело рассказывал, все проснувшиеся смеялись, о чем-то

расспрашивали. Глаза открывать не хотелось, но так как ехали уже давно и все проснулись, остановились на кофе-брейк в придорожном ресторанчике. Саид рекомендовал всем попробовать кофе или чай с кедровыми орешками, поэтому все послушно выстроились в очередь в бар. Полина хотела просто кофе, а в очереди стоять не хотела. И ПВ куда-то делся, она оглянулась вокруг, ища его глазами. После кондиционера в автобусе, от которого там было даже прохладно, солнце на улице казалось еще более знойным. Не защищали ни шляпа с полями, ни очки.

– Лина, – ПВ тронул ее за руку, – пойдём скорее!

Она молча пошла за ним, ничего не понимая, и вдруг буквально через несколько метров оказалась в очаровательном дворике, увитом местными роскошно цветущими деревьями – лианами. Симпатичные столики стояли прямо в их тени, Полина с восхищением огляделась. Очень красивая арабка, приветливо улыбаясь, уже несла на маленьком подносике чашечки с кофе и вазочку со сладостями.

– Какой ты молодец! Пока там все суетятся в очереди, мы здесь так замечательно посидим. Как красиво и как уютно!

– Все как полагается: у Саида, видимо, это кафе прикормлено – обычная практика у гидов: везут туда, где получают процент и бесплатное угощение.

После кофе все повеселели, взбодрились, да и пустыня, о которой с детства все знали по урокам географии, была уже совсем близко. Оливковые рощи остались позади, пей-

заж за окном стал более однообразный и уже какой-то «пустынный». Очень забавно выглядели дорожные знаки с изображением верблюдов, да и сами верблюды паслись вдоль дороги, как у нас коровы на обочинах. Саид тем временем рассказывал, что нас ждет в первый день: сафари на джипах и катание на верблюдах.

На стоянке уже ожидали несколько джипов с очень колоритными водителями – арабами, которые к тому же и психологами были отличными: они сразу чувствовали, нужен ли их пассажирам настоящий драйв или они просто хотят спокойно прокатиться среди барханов. В машине, куда сели Полина и ПВ, были еще две пары молодых людей, которым явно хотелось острых ощущений. Водитель хитро улыбнулся:

– Покатаемся? С ветерком?

И понеслось! Он выделывал «восьмерки» на склонах барханов, поднимался наверх практически под прямым углом, казалось, что машина сейчас опрокинется назад, потом резко падал вниз, перевалив через бархан. Женщины визжали то от страха, то от восторга, а водитель хитро поглядывал на них в зеркало и только улыбался. Через некоторое время страх исчез, визжали уже просто потому, что женщинам так полагается, зато появился настоящий драйв! Ощущения были острее еще и оттого, что хорошо видны джипы, которые шли впереди. Когда смотришь на машину, выделывающую немислимые зигзаги на крутом склоне, крутом настолько, что по всем законам физики джип просто обязан пере-

вернуться, и понимаешь, что сейчас то же самое будет с тобой – нет, это надо пережить, описать нельзя. Наконец, взлетев на очередную песчаную гору, приготовившись к очередному полету вниз по вертикали, они неожиданно мягко, как по маслу, съехали с бархана – и замерли в изумлении. Перед ними в нескольких десятках метров находились пейзажи из «Звездных войн». Американцы снимали здесь свое знаменитое кино и оставили декорации.

Полина уже привыкла, что ПВ ее постоянно снимает, вот и здесь они развлеклись на славу: и у известной всем по фильму телефонной будки, и в обнимку с ракетой – Полине и самой теперь нравилось фотографироваться. Но самый удачный снимок получился, когда ПВ велел ей лечь на песок, который здесь расходился волнами, и получилось бескрайнее небо, бескрайние волны песка и она, одна – одинешенька на всей Земле. Но вот чего-чего, а одиночества Полина сейчас не ощущала, наоборот, появилось чувство защищенности, а подобное женщина испытывает только тогда, когда рядом ЕЕ мужчина. Это на подсознании, откуда-то из глубины веков, из детства человечества, когда женщина одна просто не могла выжить.

У ПВ тоже были странные ощущения: с одной стороны, он насмотреться не мог на Полину, которая в платке, повязанном на берберский манер так, что только глаза видны, была удивительно хороша, с сияющим взглядом, с веселым смехом, с тонкой девчоночьей талией и стройными бедрами –

черт возьми! – которые обтягивали симпатичные бриджи. С другой же, его не покидало чувство какой-то неосознанной тревоги, как будто случилось что-то очень важное, но над этим важным нависла какая-то угроза. Знал бы он, как реальны его ощущения, как тонка еще та нить, которая связывает его со счастьем, и как велика угроза этому, призрачному еще, счастью. Отогнав тревожные мысли, он подошел к Полине, протянул ей бутылку с минеральной водой, которая была теплая, не очень из-за этого вкусная, но газы давали иллюзию свежести. Она любила газированную воду и считала всех любителей «воды без газа» просто пижонами.

Обратно ехали уже спокойно, но очень быстро, было странно видеть в пустыне (настоящая же Сахара, которая в школе воспринималась, как край земли!) хорошо накатанные дороги. Очень скоро впереди показались чахлые пальмы и какие-то строения. Саид сказал, что здесь туристы катаются на верблюдах. Когда подъехали к «паркингу», увидели этих верблюдов, нарядных, покрытых яркими ковриками или мягкими циновками, лежащими, подвернув передние ноги, и что-то медленно жующими в ожидании работы. Полина еще раз подумала, как здесь все грамотно и отлажено, весь маршрут продуман, нигде нет сбоев: должны быть верблюды – пожалуйста, к указанному времени. «Офис» среди пустыни тоже был довольно комфортабельный: кафе, удобства, фото на память. За два «тугрика» всех переодели в полосатые берберские длинные одежды, повязали платки, и ту-

ристы отправились «занимать» верблюдов. Видимо, Полина и на старшего по верблюдам произвела впечатление, потому что он проводил ее лично к очень красивой белой верблюдице, а ПВ сел на обычного – не VYP. Погонщик, взяв обоих верблюдов под уздцы, медленно пошел от «паркинга» в глубь пустыни. Сначала сидеть было не очень удобно, но потом как-то пристроились. Разговорились с погонщиком, правда, это смело сказано – разговорились, но он знал несколько слов русских, несколько английских. Выяснилось, что зовут его Омар, он живет в деревне неподалеку, у него большая семья. Он медленно шел возле Полины, вдруг снял с ее ноги макасинину, погладил ступню (устала?), потом снял вторую и шел, поглаживая ногу и приговаривая: вери найс! газеля, вери найс! ПВ ощутил легкий укол ревности, а Полина как-то вся замерла, не зная, как реагировать на это. Но Омар был так деликатен, так трогателен, что она поняла: не надо никак реагировать, что здесь такого? Уйдя уже довольно далеко, они «спешили», чтобы немного размяться и сфотографироваться. ПВ попросил Омара снять их с Полиной рядом с верблюдами, тот довольно умело сделал это, и тут она позвала его и попросила ПВ снять и их. Омар и Полина встали очень близко друг к другу, он осмелел, обнял ее за талию, и она почувствовала, как он дрожит. «Пора возвращаться», – подумала и попыталась сесть на верблюдицу. Песок был настолько мелкий, чистый, как в песочных часах. Она погладила его ногой и посетовала, что выбросили пу-

стую бутылку из-под воды, не во что набрать с собой. Омар быстро достал из сумки, привязанной к сиденью на верблюде, бутылку с остатками воды, вылил воду и набрал песка. Ни Полина, ни ПВ не успели ничего сказать. Омар протянул бутылку:

– Мемори. Сахара!

Полина поблагодарила, улыбнулась, подала ему руку, которую он не пожал, а поднес к губам. Когда вернулись на «паркинг», уже начинало смеркаться. ПВ щедро отблагодарил Омара, пожал ему руку. Тот, показывая на Полину, уже снявшую полосатый балахон и ставшую опять стройной и красивой, сказал, обращаясь к ПВ:

– Газеля! Вери найс! Ты счастливый!

ПВ улыбнулся, еще раз пожал Омару руку и подумал, что похожее он уже слышал от зулусов. «А ведь они правы!» – подумал, довольный. И опять неосознанное чувство тревоги проснулось где-то в подсознании, но он попытался прогнать его, тем более, что все засуетились, рассаживаясь в автобусе.

Программа первого дня была выполнена, они ехали в отель, где должны были переночевать, а рано утром выехать, чтобы встретить восход солнца в пустыне. Отель, расположенный практически на краю пустыни, поразил всех своей восточной роскошью – не отель, а дворец Шахеризады! Но самое большое удивление и восторг вызвал бассейн, расположенный во внутреннем дворике, вокруг него в изобилии росли цветущие деревья, в кронах которых прятались пти-

цы. Их было так много, что гомон заглушал музыку, льющуюся откуда-то сверху. Понятно, что быстро получив ключи от номеров, а они располагались вокруг бассейна, все пошло купаться, чтобы смыть пыль пустыни и восстановить силы перед ужином. Номера Полины и ПВ оказались рядом, на первом этаже, прямо у бассейна. Они тоже выкупались и договорились встретиться уже в ресторане за ужином.

В номере Полина приняла душ, привела себя в порядок, переделалась в легкое длинное платье и улыбнулась себе любимой: все понравилось. И тут же смутилась, поняв, что ситуация выходит из-под контроля, потому что сейчас она собиралась не просто на ужин, а на свидание. Тряхнула головой, вспомнив девиз своей любимой героини из романа Стендаля: лучше сделать и потом пожалеть об этом, чем жалеть, что не сделала.

ПВ, как и многие туристы их группы, сидел в баре. Он тоже сменил запыхавшуюся одежду на свежую рубашку (опять поло, конечно) и белые льняные брюки, был свежевыбрит, еще не высохшие волосы тщательно причесаны. Похоже, он тоже собирался не просто поужинать, а провести вечер с женщиной, которая ему нравится все больше и больше. Увидев Полину, он встал ей навстречу, пораженный, как она выглядит после целого дня, поведенного так напряженно: глаза сияют, походка легкая, на лице ни тени усталости. Они не заметили, как переглянулись две тетki из их группы, которые всю дорогу ворчали, были чем-то недовольны, портили

этот маленький праздник – Сахару – и себе, и всем, кто ехал вместе с ними. Конечно, роман Полины и ПВ (а именно так это воспринималось) не мог остаться незамеченным, было понятно, что приехали они не вместе, что их отношения начались именно здесь. Естественно, это вызывало любопытство и желание посудачить.

До ужина оставалось еще немного времени, они вышли на ярко освещенную площадку перед отелем, уже почти стемнело. Здесь в изобилии росли финиковые пальмы того самого известного в Тунисе сорта, который называется «пальцы света», плоды у них были прозрачные и как будто светились изнутри. Они подошли поближе, здесь гроздья висели очень низко, на каждую сверху был надет пакет, предохраняющий от излишнего зноя. Проезжая через пальмовые рощи, они уже видели это, но здесь не созревшие еще гроздья можно было потрогать. ПВ, никогда не расстававшийся с фотоаппаратом, сделал несколько снимков: Полина и финики в «одежках», Полина и отель в пустыне, Полина и африканская ночь...

Не очень большой ресторан отеля был организован в этническом стиле, в дальнем углу в настоящем берберском шатре сидела настоящая берберка и пекла настоящие берберские лепешки. За «тутрик» можно было и лепешку горячую купить, и сфотографироваться. Было очень уютно, играла тихая музыка, и ужин был очень вкусным, правда напитки не подавали. Поэтому многие решили продолжить в

баре, где и кальян можно было покурить. Отовсюду слышалась разноязыкая речь (приехали еще немцы и французы), наши девчонки постреливали глазками в сторону иностранцев – а вдруг судьба подарит знакомство в такой романтической обстановке! Все были возбуждены, делились впечатлениями прошедшего дня, слышались то и дело взрывы смеха. Несмотря на то, что всем рано вставать (рассвет в пустыне!), никто не расходился. Полина и ПВ пили французское шампанское, устроившись в уголке за уютным столиком на двоих. Музыка, полумрак, а главное осознание того, что ты находишься в пустыне, за этим маленьким оазисом – отелем – пески, создавало какую-то особую атмосферу и особое настроение.

– Полина, я уже не очень молод, но у меня сейчас такое странное чувство, что все в первый раз, что ничего подобного со мной не было.

– Расскажи мне о себе, я ничего о тебе не знаю, – испугавшись такого начала, попыталась перевести разговор, а сама подумала: «Скажи мне, есть у тебя жена?», и сама же себе ответила: кто из мужиков на курорте признается, что он женат.

– Мне нечего о себе рассказывать, Жены нет, детей нет, есть только замечательный друг Серега, мы с ним с института вместе, и его жена Марина.

– Почему жены нет? – спросила и смутилась от того, о чем спросила.

– Жена была, мы учились вместе в институте, в одной группе. Она приехала в Москву с Урала и очень хотела здесь остаться. Я глупый тогда был, влюбился без памяти, когда Серега мне попытался сказать, что ей не я нужен, а прописка московская, я с ним первый раз за все время подрался. Поженились перед распределением, мне казалось, что нормально жили, я ее к горным лыжам прирассудил. Работали оба, но ее аппетиты росли быстрее, чем мои доходы, а тут еще время такое началось... Сплошной дефолт и в жизни, и в семье. Одним словом, закончилась моя семейная жизнь на Дамбае, мы тута приехали на лыжах покататься. А там туристы из Франции случились, вот моя жена и решила, что это шанс: здесь бедный инженер, которого вот-вот с работы попрут, а там манна небесная. Уехала она с одним французом, поженились они там.

– Прости, я не хотела таких грустных воспоминаний.

– Да что ты, Лина, какая грусть – все давно в прошлом. Я ей даже благодарен: когда она меня бросила, у меня такая злость случилась, мы с Серегой такую деятельность развернули, в струю попали, что называется. Сам не ожидал, что мозгами зарабатывать можно.

– А она? Вы видите?

– Сначала никакой связи не было, потом я узнал как-то от общих знакомых случайно, что французик этот только здесь хвост распустил, а там у него практически ничего нет, вот она и попала... Кстати, недавно объявилась, звонила, го-

ворила, что скучает, хочет встретиться. Серега как в воду глядел: говорил, что если она узнает, как у нас сейчас дела идут, – сразу объявится.

– Бывает же так, что люди не живут какое-то время вместе, а потом начинают все с начала.

– Я же сказал – все в прошлом, не то, что чувств – воспоминаний и тех уже не осталось.

– Ну, хорошо, она ведь не единственная женщина на Земле...

– Знаешь, я с головой ушел в работу, хотя, конечно, если бы встретила та единственная, но не судьба. Полина, – он взял ее руку, начал медленно перебирать пальчики, потом поднес к губам, нежно и как-то очень бережно поцеловал каждый, – я уже не мальчик, я не верю в курортные романы, я приехал сюда просто отдохнуть, это Серега с Маринкой меня сюда послали. Но я очень хорошо понимаю, что сейчас происходит что-то очень важное в моей жизни. Важное настолько, что мне даже страшно, страшно, что я мог бы не поехать, а ведь как я сопротивлялся, страшно, что мог бы попасть в другой отель, полететь не тем рейсом – да мало ли что могло случиться! Но случилось важное: еще в аэропорту я увидел тебя, и что-то здесь стукнуло, – он приложил ее руку к сердцу, – а то, что мы сейчас вместе – это судьба. И я впервые за много лет чувствую себя счастливым. Давай выпьем за то, чтобы это ощущение не проходило, чтобы оно теперь осталось навсегда.

Полина слушала его, замерев, и понимала, что у нее ощущение другое – страх. Страх не от того, что он говорит, а от того, что он мог бы этого не сказать, что она могла не услышать этих слов. Голос разума восставал и предлагал вспомнить, сколько ей лет, вспомнить о своем сыне, о маме, о том, что она уже привыкла жить одна, что не стоит что-то менять, ведь как хорошо жить без душевных волнений, какая спокойная и размеренная у нее сейчас жизнь. Но сердце... Сердце замирало, сердце таяло, пальцы в его руке немного дрожали, а душа распахнулась навстречу давно забытым чувствам. Голос рассудка взял верх, она будто очнулась, слишком резко выдернула руку.

– ПВ, не надо, через несколько дней ты уедешь и забудешь все, что здесь было. Не надо. Я понимаю: в романтической обстановке хочется романтики, но не до такой же степени. А если невмоготу, посмотри вокруг, сколько здесь молодых и красивых, не то, что я!

Ее слова, как пощечина, хлестнули его по лицу, он резко отпустил ее руку и встал.

– Извини! Пойдем, Лина, завтра рано вставать!

Она не то, что встать, она пошевелиться не могла. Когда эти гадкие слова сорвались с языка, она в ту же секунду поняла, что это была самая большая ее ошибка, что она сама сейчас, своими руками вдребезги разбила свою жизнь. А самое страшное – обидела такого хорошего, такого родного человека, обидела так, что простить такое нельзя. ПВ стоял ря-

дом, протягивая ей руку, Полина мед ленно подняла на него глаза, в них была такая боль, такое отчаяние и такой страх, что у него, странно, но это так, сразу отлегло от сердца. Он притянул ее к себе, обнял. И они молча вышли из бара. Молча дошли до двери номера Полины, она нервничала, никак не могла найти ключ в сумочке. Вдруг подняла глаза, полные слез (опять!):

– Ты сможешь простить меня?

ПВ взял из ее рук сумочку, достал ключ, открыл дверь, подтолкнул Полину внутрь, закрыл дверь, в темноте положил сумочку на кресло. Сквозь зарешетчатое на восточный манер окошко пробивался свет от фонарей, что зажглись вокруг бассейна, слышался птичий гомон и тихая музыка.

Они стояли в темноте у дверей номера, прижавшись друг к другу и боясь спугнуть то ощущение близости, которое возникло, как ни парадоксально, в тот момент, когда они впервые поссорились, потому что не только Полина поняла в тот момент, насколько важно для не случившееся, но и ПВ, сначала задохнувшийся от ее слов, а потом увидевший боль в глазах, понял, что с ней происходит то же, что творится и в его душе. Очень бережно, боясь спугнуть это ощущение близости, он начал покрывать поцелуями ее лицо, губы, шею. Она не сопротивлялась, она слушала его руки, его губы, она таяла в его руках, и ей хотелось, чтобы это никогда не кончалось...

Африканская ночь с остатками дневного зноя, тихая араб-

ская музыка, взрывы смеха, доносившиеся из бара – все это не имело уже никакого значения. Эти двое, казалось, словно очутились на другой планете, где не было никого, кроме них. Вся нежность, нерастроченная сила любви, что столько времени и у нее, и у него пряталась где-то на самом доньшке души, вдруг вырвалась наружу, вырвалась с такой силой что уже ни остановить, ни спрятать назад ее было просто невозможно. Руки его, губы его казались такими родными, такими дорогими, что где-то там, в самом дальнем уголке подсознания, билась только одна мысль: как я жила без него? Как я была без него? Невозможно, невозможно... А руки становились все смелее, объятия все жарче, губы все требовательнее...

«Так не бывает, так не бывает, потому что так не бывает», – как заклинание повторяла про себя Полина, автобус вез их опять в глубь пустыни, она смотрела в окно на звездное небо и не верила себе, не верила тому, что случилось. «Такого счастья не бывает, не бывает, потому что его не может быть...» А счастье сидело рядом, обнимало ее за плечи и нежно – нежно прижималось щекой, целуя ее в склоненную на его плечо голову. И тоже не верило в то, что произошло. Не верило своему счастью. В эти минуты не было в мире людей, счастливее их, роднее их и ближе их. Случилось то, к чему эти двое шли, проходя те испытания, которые посылала судьба, отдавая силы свои, себя самих близким своим, забывая о себе, о своей несложившейся жизни, о своем

одинокестве, перестав уже верить в то, что что-то еще может измениться. Ведь уже не двадцать лет, и даже не тридцать... Но оказалось, что душа еще жива, что сердце открыто для любви, и любовь случилась, потому что она выстрадана, потому что она не могла не прийти.

Автобус остановился у импровизированного рынка в пустыне, все шумною толпою высыпали размять ноги, приготовить фотоаппараты, потому что небо начинало светлеть и вот – вот должно было появиться солнце. А пока все с удовольствием торговались, покупая финики свежего урожая, оливковое мыло, кристаллы аметистов. Правда, даже при плохом освещении было видно, что это обычный кварц, не очень аккуратно выкрашенный чернилами в фиолетовый цвет. Но вот розы пустыни были действительно хороши: крупные, изящные, причудливой формы. Полина повертела в руках одну, особенно ей понравившуюся, но положила назад – очень дорого запросил продававший ее старик – бербер.

– Солнце! Солнце! – послышались голоса

– Полина! Скорее! – ПВ поставил ее, заставив поднять руку так, будто она что-то держит на ладони, защелкал аппаратом, то отходя, то приближаясь, стараясь поймать момент, когда солнце «ляжет» прямо в ладошку Полине.

Рассвет был действительно необыкновенный. Солнце, огромный красный шар, поднималось над пустыней быстро, заливая розовым светом все небо, песок на глазах ме-

нял свой цвет, из серого становился желтым, теплым, настоящим. Крики постепенно смолкли, все заворуженно смотрели на это действие природы, потрясенные красотой его и величием. Полина поймала себя на мысли, что тысячи лет тому назад солнце вот так же величественно вставало здесь, даря свой свет миру, и через тысячи лет после них оно все так же в положенный час будет подниматься над этой пустыней, и уже другие люди будут встречать его приход...

Когда устроились в автобусе, настроение у всех было какое-то философское, как будто прикоснулись к вечности, приобщились к какому-то таинству природы. Обстановку несколько разрядил Саид, предложив всем немного поспать. Полина, не сомкнувшая ночью глаз, не думавшая даже о сне до этой минуты, вдруг почувствовала, что буквально проваливается в сон, глаза сами закрываются...

В программе этого дня был обед в берберском ресторане, посещение оазиса, Эль-Джем, то есть еще много-много впечатлений. Полина уже была в свой первый приезд на такой экскурсии, но сейчас все было по-другому, потому что она сама стала другой, воспринимала все, как в первый раз, с каким-то детским восторгом. Оазис ей запомнился необыкновенной, величественной какой-то красотой, узкими тропками в каменных расщелинах и удивительным озером, окруженным отвесными, небольшими, но все-таки скалами. Вода там была теплой, прозрачной, красивого зеленоватого цвета. Полина взяла с собой купальник, надеясь, что теперь не

придется переодеваться в кустах, что, наверное, что-нибудь построили для переодевания. Она спросила об этом у Саида, тот рассмеялся:

– Какое озеро? Там в луже лягушки квакают!

Полина решила, что он так шутит. Когда вдаль показались невысокие горы, покрытые пальмовыми рощами, переложил купальник в сумочку, чтобы взять его с собой. Пальмовая роща становилась все ближе, уже показалась и дорога, ведущая через нее в глубь оазиса. Непонятно, откуда среди ровной пустыни появились горы. Но как бы то ни было, именно среди этих гор были источники, дающие жизнь под этим знойным небом. Как и везде, первое, что они увидели, – торговцев все с тем же ассортиментом: финики, каменные розы, еще более неаккуратно покрашенные чернилами «аметисты». Вся группа пошла с Саидом вверх по горной тропе, чтобы потом обходным путем спуститься вниз, к озеру, а по дороге полюбоваться видами. Полина же сразу потащила ПВ вниз, говоря, что пока все гуляют, они спокойно выкупаются. Спуск был очень живописным: узкая тропка среди почти отвесных скал, журчащий ручей под ногами, там, где скалы расступались, – роскошные пальмы. Наконец они добрались до цели... и замерли в изумлении. Саид не шутил: небольшая грязная лужа, по краям которой расселись с упоением квакающие лягушки. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего озера. На лице Полины было написано такое разочарование, что ПВ захотелось пожалеть ее, обнять, как ребен-

ка, что он и сделал:

– Не надо так расстраиваться, зато лягушки какие сытые да холеные, у нас таких нет. И квакают как – заслушаешься!

Она улыбнулась, и они медленно побрели назад.

– Ты можешь себе представить, что я здесь купалась?

– Если честно, то с трудом, – улыбнулся, подразнивая ее.

– У меня фотографии есть, а это доказательство! Почему все так изменилось?

– Наверное, этому есть объяснение, возможно, в этом году меньше дождей, а значит – меньше воды.

Когда они вернулись, вся группа была уже возле автобуса, все хотели под кондиционер, красота, конечно, завораживает, но солнце палило нещадно. Спать уже никто не хотел, все делились впечатлениями, хвастались приобретенными сувенирами и все поражались, как в пустыне из песка образуются каменные розы – розы пустыни. Они могли быть совсем маленькими, а могли – и огромными «букетами», которые стояли, как напольные вазы или скульптуры. Одно плохо – уж очень они тяжелые, много не увезешь, вес в самолете строго ограничен.

Автобус тем временем проезжал через берберскую деревню. Траглодиты – пещерные жители, они сохранились еще в Тунисе. Только вот что странно: над пещерами в огромном количестве виднелись спутниковые тарелки. Видимо, жилось траглодитам в своих пещерах весьма неплохо, лишь несколько жилищ показывали туристам, там действительно

все сохранялось в этническом стиле, но это для туристов. Обедали тоже в пещерном ресторане, своды потолка были низкими, вдоль длинных столов стояли простые скамьи, и еда была национальная: кус-кус, лепешки, фрукты. Поражал тот факт, что среди пустыни, где с водой, естественно, проблемы, «удобства» были, как в хорошем отеле: дорогая плитка, зеркала, современная сантехника. Видимо, традиции традициями, а комфорт для туристов – это важнее всего.

Еще одно очень сильное впечатление этого дня – Эль-Джем, второй в мире по величине колизей после римского. Добрались туда, когда жара стала немного спадать, поэтому побродить и посмотреть можно было с удовольствием, не топясь.

Эль – Джем завораживал своей красотой и величием. Он прекрасно сохранился, можно было подняться на трибуны, посидеть на каменных скамьях, спуститься вниз под арену, где раньше находились жилища гладиаторов и клетки, в которых держали львов и тигров. Но самое главное даже не это. Глядя на эти стены, думаешь, как много видели эти камни, как много они знают, как гордо смотрят на нас с высоты веков: вы тут бегаете, суетитесь, а мы стоим века и долго еще стоять будем, многое увидим и узнаем, что будет и после вас. Вот такая грустная философия. ПВ совсем замучил Полину, он снимал ее на фоне полуразрушенных стен, на фоне амфитеатра, заставляя подниматься на самый верх, чтобы на фото было видно небо, необыкновенно чистое и ярое. Полина

устала от этой фотосессии, но зато потом сколько было восторга, когда рассматривала снимки. Ведь это не просто море, не просто пляж – фотографии, которые привозят практически все из отпуска – это величайший памятник истории и культуры. И ты рядом среди этих развалин...

В автобусе все спали, эти два дня были настолько насыщены событиями и впечатлениями (а ведь известно, что эмоциональная усталость всегда больше, чем физическая). А вот ПВ не мог заснуть. После сегодняшней ночи в его жизни что-то перевернулось, как ни банально это звучит. После того, как его оставила жена, он не верил ни в любовь, ни в возможность счастья. Конечно, у него случались мимолетные романы, но женщины уже практически с первого свидания начинали прощупывать почву на предмет подарков, которые можно от него получить. Он дам не разочаровывал, подарки делал, но отношения прекращал. Время шло, сначала он надеялся, что встретится и на его пути женщина, которой будет интересен он, с его проблемами, достоинствами и недостатками, а не уровень его жизни и его возможностей. А потом с головой окунулся в работу, в бизнес, понял, что самое дорогое у человека – это время и тратить его на отношения, которые ни к чему не приведут, – глупость. Почему-то он был уверен, что ни к чему не приведут. Сейчас же он мысленно благодарил Серегу и Маринку за то, что они отправили его сюда отдохнуть. А как он отбивался! Сердце вдруг зашло от мысли, что он мог бы не поехать. Вспомнилась вдруг ста-

рая песенка: «Представить страшно мне теперь, что я не ту открыл бы дверь, не той бы улицей пошел, тебя не встретил, не нашел...»

– Встретил, нашел, – сказал себе мысленно и улыбнулся.

Почему-то не было никаких сомнений, что эта женщина, ЕГО Лина, действительно его, что он всю жизнь шел именно к ней, а она ждала его. И пускай им уже не двадцать лет, и он старше ее, но ведь и впереди еще столько счастья узнавания друг друга, привыкания друг к другу, столько любви и радости. Может быть, это даже хорошо, ведь в таком возрасте больше ценишь то, что имеешь. И как здорово, что у Лины есть сын, как хочется, чтобы и он стал таким же родным и близким. ПВ опять мысленно улыбнулся, купаясь в мечтах, и вдруг как острая боль пронзила какая-то тревожность, какое-то нехорошее предчувствие. Он попытался отогнать его, но вернуться в прежнее состояние, к прежним мыслям уже не удавалось.

В отель вернулись за час до ужина.

– Приведу себя в порядок, и встретимся в холле, да? – она так посмотрела на него, столько тепла было в ее глазах, столько счастья, что его опять окутала волна блаженства такого, что ничего, кроме этих глаз уже не существовало.

Полина приняла душ, поправила макияж, выбрала очень элегантное, но довольно яркое и очень женственное платье, которое на самом деле было сарафаном, потому что держалось на узеньких бретелях. Но назвать просто сарафаном эту

феерию роз на черном фоне, пышную юбку, где оборки с цветами чередовались с просто черными, язык не поворачивался. Скорее, это был вечерний наряд для романтического ужина. Вот на него-то она и собиралась так тщательно сейчас. Поправила прическу, критически оглядела себя, повертевшись перед зеркалом во всю стену, и осталась очень довольна собой.

– Хороша! – сказала своему отражению и улыбнулась такой счастливой улыбкой...

На самом деле она ожидала, что вернется из Сахары обгоревшей, усталой, невыспавшейся, будет плохо выглядеть, и очень боялась этого. Сейчас же глаза ее лучились, недаром ведь говорят, что счастливые глаза женщины – ее лучшее украшение, а цвет лица был просто восхитительным. Она волновалась, как девчонка. То, что произошло в отеле в пустыне, было сном, сказкой, заставляло то как-то торопливо биться сердце, то замирать в ожидании: а что дальше? И это «дальше» почему-то казалось таким же сказочным и прекрасным, хотя не имело никаких конкретных очертаний, оно просто было. Полина вышла из номера, что-то мурлыча в такт мелодии, которая слышалась с улицы сквозь открытые окна холла. Стоя в кабинке лифта перед зеркалом, сказала себе любимой:

– Хотите посмотреть на счастливую женщину? Вот она – перед вами!

ПВ уже ждал ее в холле, он был выбрит, источал запах до-

рогого парфюма, в белых брюках и светлой легкой рубашке с короткими рукавами (не поло – по какому случаю ?) он был потрясающе элегантным, подтянутым.

– Господи, я же ничего не знаю о нем! Ничего, кроме того, что он очень родной человек, – думала Полина, увидев его сразу же, как только вышла из кабинки лифта. Она постаралась придать себе несколько солидности, замедлив шаг, но глаза – с ними-то что делать? ПВ уже спешил ей навстречу. Надо сказать, что с его глазами тоже было что-то не то: столько нежности, обожания и гордости, что вот эта удивительная, умная, красивая, эта роскошная женщина спешит сейчас к нему. Вдруг он вспомнил ее руки на своих плечах, ее нежные пальцы, ее губы, ее запах – и горячая волна обожгла его стремительно с головы до ног.

– Лина! Ты просто восхитительно выглядишь! Такое чувство, что ты не из пустыни вернулась, а из салона красоты! И у меня к тебе предложение, надеюсь, ты меня поддержишь: я предлагаю поужинать...

– Конечно, поддержу! Ведь мы и идем на ужин.

– Нет, ты меня не поняла. Я предлагаю поужинать в городе, в рыбном ресторане.

– Но это очень дорогой ресторан!

– Полина! Не произноси этих слов! Женщина, которая так выглядит, не должна думать о деньгах в принципе!

Она открыла было рот, но ничего не успела возразить.

– О деньгах в принципе должен думать только мужчина! –

ПВ слегка приобнял Полину и повернул в сторону выхода из отеля. Они не успели сделать и двух шагов...

– Павлуша, милый, а я никак не могу добиться у obsługi, в каком ты номере! Пришлось ждать тебя здесь. Ну, здравствуй, дорогой! – женщина бросилась ПВ на шею, пытаясь поцеловать его в губы.

Лицо ПВ исказила такая гримаса боли и откровенной ненависти, что в первое мгновение Полина не столько оторопела от появления этой женщины, сколько от того, как изменился взгляд ПВ, сначала она увидела его глаза, а потом медленно, как в кино при замедленной съемке, оглянулась, еще не осознавая, что происходит. Как будто бомба разорвалась у ее ног, пропал звук, как при контузии, она видела только ЕГО и чужую женщину, которая так откровенно предъявила свои права на ЕЕ мужчину.

Но недаром жизнь научила ее держать удар, она очень быстро справилась с собой, ни один мускул на лице не дрогнул. Вот только глаза сразу потухли. Она вдруг поняла, что стоит неприлично близко от целующейся пары, хотя целующейся – это не совсем верно: поцеловать старалась женщина, а ПВ, очень быстро придя в себя, с откровенным чувством безразличия, которое сменило выражение боли на его лице, пытался вырваться из ее объятий. На них обращали внимание, ситуация становилась неловкой.

– Милый, я так соскучилась, – слишком громко щебетала женщина, – почему ты не отвечал на мои звонки? Почему не

сказал, что уезжаешь? Хорошо, что у меня остался телефон твоего Сереги...

– Не смей его так называть! – вдруг обрел дар речи ПВ, – это для меня он Серега! Слышишь? Только для меня!

– Ну что ты, дорогой! Не нервничай так! Я, как узнала, что ты здесь, сразу прилетела. Для нас, французов, Тунис – как дача для русских! – засмеялась мадам – француженка.

– Что ты хочешь от меня? Какой черт принес тебя сюда? – все больше выходил из себя ПВ, однако стараясь говорить очень тихо, почти шепотом, чтобы не привлекать внимания. Дама же его, наоборот, казалось, хотела, чтобы все присутствующие в этот момент в холле обратили внимание именно на них.

Полина вдруг осознала, что она здесь абсолютно лишняя, что это публичное выяснение отношений может пройти и без нее, нашла в себе силы, стараясь выглядеть как можно более беспечно и равнодушно, медленно повернулась и пошла в сторону лифта, мысленно моля Бога, чтобы тот был свободен. Видимо, Господь сжалился над Полиной: лифт, который иногда приходилось долго ждать, сразу распахнул свои двери и спрятал за ними ту, что более всего на свете хотела бы сейчас провалиться сквозь землю. Как часто мы слышим эти слова, привыкаем к ним, но не дай Бог действительно вдруг захотеть этого!

Полина только тогда почувствовала себя несколько защищенной, когда наконец захлопнула за собой дверь своего но-

мера. Машинально глянула в зеркало, что занимало целую стену в прихожей. Еще несколько минут назад из этого зеркала на нее смотрела женщина с сияющими глазами, в глазах этих была жизнь, было счастье ожидания новой жизни, было просто счастье. Сейчас Полина увидела в зеркале такие потухшие, такие пепельные глаза, что испугалась сама себя. Она сползла по стене, потому что ноги вдруг подкосились, еще мгновение – и она просто не удержалась бы на высоких каблуках. Силы оставили ее, такого позора она не испытывала в своей жизни. Было много всего: трудности, лишения, заботы – позора не было. А здесь... Как могла она, взрослая женщина, опять наступить на те же грабли, поверить, надеяться... Господи, как было хорошо и спокойно. Нет мужчины – нет проблемы! Как гадко от банальности происходящего. Полина чувствовала себя «героиней» анекдота, в котором в роли неудачного любовника выступила она – Полина. Не муж вернулся из командировки не вовремя, а жена к ее ПВ. И застукала их, застукала в тот момент, когда дурочка Полина совсем уже ушки развесила и сама помогала разместить там как можно больше лапши. Она специально истязала себя такими словами, как будто хотела сделать себе еще больнее, потому что не могла простить, что позволила себе расслабиться. А вот слез не было. Мысль, почему она не плачет, настолько поразила Полину, что та даже несколько встряхнулась и пришла в себя, во всяком случае, с пола подняться попыталась, даже туфли предварительно сняла. А ко-

гда склонилась над раковиной, умываясь, даже подумала, что раз слез нет, значит, она становится прежней собой, сильной, умеющей смотреть трудностям в глаза. Плакала она, когда появился рядом мужчина, и она автоматически расслабилась и нюни распустила. Думая так, Полина все больше успокаивалась, но вдруг горячая волна окатила ее с ног до головы: она готова к трудностям, а здесь не трудности – здесь позор! Как завтра появиться в холле, в ресторане? «Кому ты здесь нужна, подумаешь – все на нее смотреть будут! Да ты всем до фонаря, все свои проблемы решают!» – убеждал голос рассудка. Но откуда – то в районе сердца пробиралась настойчивая мыслишка: «Все уже привыкли видеть вас вместе! Вы за одним столиком сидите, в конце концов!»

Мысль о столике окончательно вернула Полину в свою тарелку.

– Раз уж я осталась без ужина, не пойти ли мне выпить кофе? С ликером? – спросила она свое отражение в зеркале. Обрадовалась, что не успела смыть макияж, поправила то, что нуждалось в реставрации, и подмигнула себе любимой

Полина не относилась к тем женщинам, которые в подобной ситуации станут рыдать в подушку. Жизнь действительно научила ее быть сильной, научила адекватно воспринимать обстоятельства. Более того – была в ней некая авантюрная чертовщинка, которая и сейчас ну просто подмывала ее пойти посмотреть, что там происходит. Полина понимала не умом, а каким-то женским нутром, интуитивно, что если она

сейчас как ни в чем не бывало появится в баре, выпьет кофе, то это снимет интригу и интерес к ситуации у тех, кто стал свидетелем этой безобразной сцены, сразу поуменьшится. Сама от себя не ожидая столь быстрой смены настроения, столь скорого принятия такого решения, она, критически оглядела себя в зеркале (именно сейчас выглядеть – просто необходимо!) и вышла из номера.

В отсутствие Полины события в холле развивались следующим образом. ПВ, милый, интеллигентный, с прекрасными манерами (чем он, собственно, и покорила Полину) человек, буквально рассвирепел, когда так неожиданно, в самый неподходящий момент увидел, нет, сначала услышал свою бывшую жену. А это была именно она, появившаяся, как черт из табакерки. В этот момент ему пришла в голову мысль, что чувство какой-то тревоги, преследовавшее его последние дни, оказалось реальным предупреждением об опасности. ПВ с такой тоской посмотрел вслед Полине, когда та уходила, но, как ни рвалось его сердце за ней, понял, что нужно сначала все выяснить здесь, а уже потом... она обязательно все поймет, ЕГО Полина не сможет не понять его.

ПВ чуть ли не силой подтолкнул свою бывшую к столику, взял себя в руки и тихим, почти нежным голосом спросил:

– Ну что, дорогая? Зачем пожаловала? Я правильно понимаю, что наша встреча здесь отнюдь не случайна?

Вот этого тихого, нежного голоса женщина испугалась, ей

ли не знать, что это – высшая степень ярости ПВ. Она начала лепетать что-то о любви, которая все эти долгие годы жила в ее сердце, о том, как скучала...

– Хватит! – он сказал это так, что она замолчала. – Хватит, Нина, ты же знаешь, что я этим бредням о твоей любви поверить не смогу, прошли те времена, все в прошлом. Мы сколько лет не виделись?

– Нинель, – ответила она, безуспешно пытаясь выдать хоть одну слезинку.

– Что?

– Меня зовут Нинель, я не Нина.

– Ах, простите, мадам, не признали-с сразу-то, давно не видимшись. Что ж Вам, мадам, в Парижике вашем не сидится? Что ж сюда-то припершись?

После этих слов притворяться и что-то придумывать было бессмысленно, характер своего бывшего мужа (уже очень бывшего, пожалуй, навсегда) она хорошо знала. Поэтому, сразу приняв деловой вид и перестав играть, Нина сказала тоном, каким говорят на переговорах, если хотят произвести впечатление на партнеров:

– Хорошо, давай начистоту. Мы расстались с мужем, у него давно начались проблемы с бизнесом. Сначала я не очень об этом задумывалась, потому что жила «под кайфом» от мысли, что я в Париже, что я француженка, могу ходить по магазинам мечты и покупать то, о чем в России даже не смела мечтать. Потом пообвыкла, поняла, что это там, до-

ма, Серж был завидным женихом, а здесь он самый обычный, самый средний, далеко не богатый. Да и не красавец... Это в России у него вместо лица была табличка с надписью «француз», а во Франции я это лицо рассмотрела... Но потом, правда, ничего, наладилось. Его бизнес приносил доход небольшой, но зато стабильный, на жизнь хватало. Правда, бриллианты я не носила, на ройл-ройсе не ездила, но если сравнить с тем, как я с тобой жила – это небо от земли!

– Так зачем же ты приехала, от хорошей-то жизни?

– Видишь ли, милый, я так понимаю, что в любовь мою горячую ты не поверишь, – она засмеялась так откровенно и так вульгарно, что ПВ даже поежился от такого неприкрытого цинизма и с горечью подумал, что когда-то любил эту женщину, женился по любви. Впрочем, любил он другую, юную, искреннюю, с которой целовался до утра в подъезде, которой стихи писал, дурея от ее красоты и преданности. Пусть та Нинка, Нинок и останется в его памяти. А откуда взялась эта акула? Как она могла так измениться? Хотя ведь именно его любимая Нинка и сбежала тогда с французом, приняла сразу гражданство, сожгла все мосты. Значит, было в ней что-то, чего он не разглядел, не понял по молодости и по глупости. А ведь предупреждал его верный друг Серега, что ей прописка московская нужна была. Видимо, этого потом стало мало, они только начинали свой маленький бизнес и – что греха таить – сами в успех верили слабо. ПВ, уйдя мысленно в прошлое, голос Нинель слышал как бы издалика, но то, что

она говорила, вернуло его к действительности, так вернуло, что, когда он понял ее требования, его даже в жар бросило.

– Что ты хочешь? – он даже задохнулся от абсурдности и наглости ее требований.

– Всего лишь половину твоей доли, дорогой, у меня хороший адвокат, думаю, у нас все получится. В конце концов, начинали мы вместе.

– Это мы с Серегой начинали вместе. А ты здесь причем?

– А я была твоей женой. И когда я разводилась, ты мне долю не отдал.

– Что было отдавать? Какую долю? У нас тогда еще ничего не было!

– Не нервничай, дорогой, зато теперь есть что отдать. Вот теперь, с такими-то деньгами я наконец почувствую себя настоящей француженкой!

ПВ достал молча телефон, нажал несколько кнопок.

– Серега! Зачем ты это сделал?

– Привет! Рад тебя слышать! Как водичка?

– Зачем ты это сделал, я тебя спрашиваю!

– Подожди, а что сделал-то?

– Передо мной сидит моя бывшая и требует разделить бизнес. Зачем ты ей сказал, где я?

– ... Я ничего не понимаю. Она позвонила, плакала в трубку, говорила, что до сих пор любит тебя, что жить не может. Вот я и подумал...

– Эх, Серега... Если бы ты подумал... Ладно, скоро уви-

димся. Придется.

– Ну и зачем так нервничать? Компаньон-то при чем? Не сказал бы, что ты здесь, я бы в Москву приехала, просто мне здесь ближе, – уже очень уверенно говорила «бывшая». – Поэтому давай все решим миром.

В это время он вдруг увидел Полину, которая, казалось, еще больше похорошевшая (иногда выброс адреналина дает именно такой эффект), направлялась к бару. Все это время разумом он разговаривал с «бывшей», а сердцем был с Линой, представлял, каково ей сейчас, корил себя, что не с ней, был уверен, что она опять в слезах, и в то же время понимал, что сначала должен все уладить здесь. Поэтому, увидев ее сейчас такую уверенную в себе, восхитился тем, как правильно она себя повела. Он, сидя здесь, ловил на себе любопытные взгляды, со стороны явно было понятно, что разговор происходит непростой, ситуация нештатная. За столиком совсем рядом потягивала пиво Карина, поглядывая и прислушиваясь. Но Карина давно уже оставила их в покое, очевидно, выбрав для себя другой объект. Появление Полины, как ни в чем не бывало заказывающей в баре кофе, возвращало происходящее в штатный режим. Да и по большому счету – публика все время менялась, лишь немногим, приехавшим в одно время с ними, было известно, что приехали они врозь, что их роман начался именно здесь.

Бармен, который явно оказывал Полине особые знаки внимания, кивнул ей и указал глазами на столик. Она поня-

ла, поблагодарила его улыбкой и села возле окошка, спиной к ПВ. «Спасибо», – сказал он ей мысленно, еще раз восхитившись тем, как умно она себя вела: она поняла, что, если он будет видеть ее взгляд, это будет мешать ему. На самом деле Полина просто не хотела его видеть. Бедный ПВ даже как-то не подумал, что она не знает, что это за женщина бросилась ему на шею, не знает, что их связывает, не знает, что в тот самый момент, когда ПВ восхищался ее пониманием и благодарил ее за это, Полина была уверена, что ее опять предали, ненавидела себя за то, что позволила себе поверить и надеяться, расслабилась, как девчонка, у которой все разочарования еще впереди. А она-то взрослая, опытная женщина и – те же грабли!

Бармен принес ей сам кофе, без молока и без сахара – как любила Полина, и поставил рядом бокал с ликером.

– Спасибо!

– Я подумал, мадам будет вкусно с кофе, – кивнул, указывая на ликер.

– Да, конечно, спасибо, – улыбнулась ему с благодарностью. Глоток ликера – это то, что ей сейчас действительно нужно. Или два глотка.

Не успела Полина поднести к губам очень изящную и какую-то «восточную» чашку с кофе, как за ее столиком оказалась Карина.

– Послушай, я на тебя зла не держу – не мой мужик, – она явно сделала уже чуть больше, чем два глотка, в руках

у нее был бокал с виски, – но и ей ты Павлушу не отдавай. Эта змея с него какие-то деньги требует, тут что-то нечисто. Знаешь, я сначала злилась на тебя, что ты у меня такого мужика перехватила, а потом поняла: чего жалеть – не моего поля ягода. Смотрите вы вместе классно. Я ж все понимаю – зачем я ему? А тебя он любит, он мне сам сказал. Так сказал... Хоть бы кто-нибудь про меня так сказал... Глаза у Карины подозрительно заблестели.

Полина, удивленная «визитом» Карины к ее столику, застыла с поднятым бокалом в руке, услышав про «любит» и особенно про «сам сказал».

– Да ты не смотри на меня так, я тебе правду говорю. Я к нему тут как-то подседа, когда он тебя ждал, думала, попытаю еще разок счастья, а он и сказал, что о такой, как ты, всю жизнь мечтал, что ты такая, блин, растакая. А она – стерва, не знаю, откуда взялась. Приехала сегодня, весь день здесь трется, теперь понятно: его ждала.

Полина понемногу приходила в себя. Появилась спасительная мысль, что ведь и у ПВ тоже есть прошлое, возможно, это звоночек оттуда. Так хотелось верить, что он ее не обманывал, что все прояснится. Сейчас она была благодарна Карине, наверное, это тот случай, когда нельзя оставаться одной, когда нужно с кем-то поговорить, пусть даже с бывшей соперницей. Полине вдруг пришло в голову, что она здесь всего неделю, а произошло столько, будто жизнь прожита. В этот момент она невольно, как-то интуитивно оглянулась и

встретилась с ним глазами. Он давно уже смотрел на Полину, видел, как к ней подседа Карина, как они о чем-то вполне мирно говорили. Полина, оглянувшись, увидела столько боли в его глазах, что невольно вздрогнула: что все-таки происходит? Кто эта женщина?

А вокруг курортная жизнь шла своим чередом. У красивой мраморной колонны сидели дамы-француженки с бокалами вина, ухоженные, почти в вечерних платьях. В противоположном конце большого холла за столиками для курящих, сдвинув вместе два из них, расположилась большая компания немцев, и мужчин, и женщин, они потягивали пиво и громко смеялись. Несколько парочек уютно устроились на диванчиках. Щебетали дети, как они общались, прекрасно понимая друг друга, хотя разговаривали на разных языках? В баре было многолюдно, вечером публика любила посидеть в роскошном холле с чашечкой кофе или с бокалом чего покрепче, поэтому бармен и официанты крутились, едва успевая всех обслуживать, стараясь, чтобы не собиралась очередь. Здесь было принято вечером одеваться, поэтому девушки и дамы демонстрировали наряды, ходили на каблучках, одним словом, старались выглядеть. Ровный гул, стоящий над всей этой суетой, то вдруг нарушался взрывами смеха, то телефонными звонками, а иногда слышалась музыка, доносящаяся с улицы – там работали вечерние аниматоры. И вдруг Полина опять застыла, поднеся чашечку с кофе к губам, но уже не от слов Карины. То, что она увидела, даже за-

ставило на какое-то время забыть о своих переживаниях. К бару подошли «наши люди»: молодой человек и его девушка. Оно бы все ничего, но он был в плавках, с которых, pardon, капала вода, а она в бикини, а верх – практически топлес, потому что легкое прозрачное парео прикрыть ничего не могло. Видимо, они были любителями вечернего купания, а после него почему бы не согреться? Вот они и направились в бар прямо из бассейна, им даже в голову не пришло, что это неприлично. Ну и что, что с плавков капает, топлес не нравится – не смотрите! За ближайшими к бару столиками замолчали. Молодых людей внимание, которое они привлекали, не смутило, скорее, оно им даже нравилось, и мысли не было, что это не только не «круто», но что они своим видом оскорбляют присутствующих. Полина увидела, как элегантные француженки за соседним столиком молча поставили чашечки с кофе, встали и направились к выходу на террасу. Стало так стыдно за своих, опять мелькнула мысль, что мы возмущаемся, что нас за границей не любят, относятся плохо. Но если мы демонстрируем такой уровень культуры – спасибо, что хоть пускают, не до любви уж.

– Слушай, она его на бабки разводит, точно тебе говорю, – продолжал Карина, – только вот кто она?

Полина посмотрела в большое окно (стена холла, выходящая на террасу, была полностью стеклянная) и увидела отражение ПВ и его визави столь четкое – как в телевизоре. Женщина явно нервничала, но старалась «держать лицо»,

ПВ выглядел растерянным, вся поза его выражала недоумение. Женщина что-то говорила, скорее, доказывала, нервно улыбалась, ПВ пытался возражать, Полине показалось, что не очень убедительно. И вдруг ей так стало его жалко, свои обиды показались такими мелкими, глупыми, а главное – ничем не обоснованными, она просто все себе напридумывала, ничего толком не зная.

Первая реакция ПВ действительно была такая, что неожиданное появление «бывшей» не то чтобы испугало его, а стало просто неприятной неожиданностью, несколько выбило его из седла, точнее, сбило с той волны, на которую он эти несколько дней в своей жизни был настроен. Сначала он был смущен, раздосадован, переживал, что Полина может не понять и не простить.

Потом его взяла такая злость: что этой женщине, которую он не только не видел уже много лет, но даже не слышал о ней (впрочем, не очень-то и хотелось), нужно от него теперь, по прошествии столько времени. Когда же услышал, что она приехала делить их с Серегой бизнес – задохнулся от возмущения. Он, уже придя в себя и обретя обычную уверенность, прервал ее на полуслове:

– Послушай, дорогая, не делай лишних телодвижений ни с адвокатом, ни без него. Тебе не приходит в голову, что у меня тоже есть адвокат, и знаешь, могу тебя заверить: неплохой такой адвокат, дороговат, правда, но ничего не поделаешь – цену определяет качество. Поэтому расслабься и отправляй-

ся, откуда явилась. – ПВ поднялся, сделал ей ручкой, улыбнулся так, что у женщины мурашки по телу пробежали, и пошел.

Пошел, естественно, к Полине. Хотя делать этого было, наверное, нельзя. Нина сразу все поняла, сообразила, что эта женщина, к которой он направился, – его слабое место, это с ней он был, когда она его увидела. Интересно, она ему кто? Да и просто обидно было: она же не просто так рассказывала, что рассталась с мужем. Чего греха таить, хитрить перед самой собой: все эти годы, зная, что ее Павлуша так и не женился, была уверена, что он просто ее любит, ждет, когда она вернется (о, женщины! наивность вам имя!) Вот она и решила сделать ему подарок, да еще и в Тунисе, чтоб уж романтика зашкаливала. Но все как-то сразу не заладилось, вот ее и понесло про фирму, про адвоката... Тем не менее ни деньги, ни своего мужчину, хоть и бывшего, упускать не хотелось. В голове моментально родился план.

ПВ тем временем подходил к столику, за которым сидела Полина. Карина спешно ретировалась, бросив на прощанье: – Держись, подруга!

Полина подняла на него глаза. Столько нежности, столько любви увидел он в них, что все вдруг свалившиеся неприятности показались настолько мелкими и незначительными, что думать о них не хотелось в принципе.

– Лиана, родная, прости за испорченный вечер, я сейчас все тебе объясню.

Он рассказал ей историю своей неудавшейся семейной жизни, рассказал, зачем приехала Нина, узнав, что он сейчас здесь отдыхает. Они пили кофе, время от времени делая по глотку – он – виски, она – ликера. Обоим надо было немного расслабиться, снять напряжение. Но не спиртное возвращало их в обычное состояние, а доверие, которое появилось в этой стрессовой ситуации, осознание, что они действительно стали близкими, родными людьми. Казалось странным, как раньше жили: радовались чему-то, тревожились, решали проблемы – и не подозревали о существовании друг друга.

... – И вот теперь она приехала, чтобы испортить нам такой вечер! – продолжал ПВ свою исповедь.

– Ничего, отложим его на завтра, – улыбнулась Полина, – а теперь пошли спать, уже поздно.

Не понятно, правда, к чему это «поздно» относилось: холл был полон, с улицы слышалась музыка, с террасы, где народ активно танцевал, с завидной периодичностью появлялся «браток», брал что-то в баре и уходил к своим дамам. Погруженная в свои проблемы и заботы, Полина как-то позабыла уже о нем, да еще и в Сахару уехали на два дня, а там свои впечатления. Теперь же, увидев его в компании очередных пышных красоток, даже позавидовала: умеет же человек расслабляться на отдыхе. Они встали, пошли к номеру Полины пешком, видимо, обоим не хотелось расставаться, но и на людях тоже оставаться больше не было сил. Шли молча, слов не нужно, когда молчание столь красноречиво. Полина

раньше не приглашала ПВ к себе в номер, видимо, сказывалось приличное воспитание, сегодня же, открыв дверь ключом, она, ничего не говоря, вошла внутрь, ПВ прошел следом. Было слышно, как повернули ключ изнутри.

Полина и ПВ были так заняты своими мыслями и чувствами, что не заметили, как Нина поднялась со своего места, когда увидела, что они уходят, и пошла за ними, стараясь не привлекать внимания. Самое забавное в этой ситуации, что Карина, тоже все видевшая со своего места за столиком в уютном уголке, встала и отправилась за Ниной. В результате такого «двойного слежения» Нина узнала, в каком номере живет Полина, увидела, что ее Павлуша остался с ней, поняла, что отношения между ним и этой женщиной есть и что они, эти отношения, довольно серьезные. Карина же увидела, что Нина следила, поняла, что не с проста все это. Когда Нина резко развернулась и уже быстро пошла по коридору, Карина едва успела скользнуть в боковое ответвление, хорошо, что толстый ковер делал шаги даже на каблуках бесшумными.

Утром следующего дня Полина, лежа в гидромассажной ванне, вспоминала прошедшую ночь и сама себе немножко завидовала. Как она могла решить для себя, что жить нужно только для своих близких, мамы и сына? Почему уже даже не мечтала о счастье для самой себя? Конечно, ее семья – это ее счастье: она гордится успехами сына, очень любит маму. Но ведь она еще молодая женщина, и теперь выясни-

лось, как ей не хватало все это время ласки, любви, как здорово, оказывается, засыпать в объятиях любимого мужчины, а просыпаться – от его поцелуя! Полина, чувствуя, как струи воды то нежно, то «страстно» касаются ее тела, вспоминала его руки, его губы, его ласки... Открылась дверь, девушка, улыбаясь, спросила:

– Хорошо, Полина? – медсестры, или как они называются в центрах талассотерапии, выучив несколько слов по-русски, таким образом интересовались, все ли в порядке у клиентки во время процедуры.

Полина в ответ молча кивнула и подумала про себя: «Если бы ты знала, как хорошо!»

День прошел спокойно и как-то расслабленно: купались, обедали, опять подставляли свои тушки солнышку, но оба ждали вечера. Решили, что обязательно сегодня пойдут в ресторан, и уже никто и ничто им не помешает.

У Нины же, наоборот, день был очень напряженный, она разрабатывала план: как вернуть своего мужчину и его деньги. Но если с мужчиной не получится, то хотя бы деньги. Это «хотя бы» очень рассмешило Нину: мужчин вокруг полно, а деньги на кону очень серьезные, и никаким теткам она их отдавать не собиралась. «А дама-то его, пожалуй, и не подозревает, о каких суммах идет речь», – подумала «бывшая» и занялась подготовкой к вечерним военным действиям. «Специальная операция» требовала полной боевой готовности, потому что под номером один подразумевалась попытка ба-

нально соблазнить Павлушу.

Полина выглядела роскошно: белый брючный костюм не полнил ее вопреки расхожему мнению о белых вещах, а делал молодой и стройной. Притом белый цвет очень эффектно оттенял уже появившийся загар. Волосы она уложила пышными волнами, возможно, несколько старомодно, но ей, натуральной блондинке, эта прическа очень шла. Но самое главное украшение – глаза, мало того, что они сами по себе были удивительно красивы: большие, миндалевидные, глубокого голубого цвета, так они еще выражали такое счастье, что, казалось, разбрызгивали вокруг миллионы искр, нет – кристаллов Сваровски, так поэтичнее, больше приличествует моменту.

Нина тоже постаралась, но она выбрала маленькое черное платье – французенка! Она не знала, как сложится вечер, естественно не подозревала о ресторане, но, выходит, с нарядом угадала. В холл вышла задолго до ужина, села так, чтобы не пропустить своего Павлушу, и приготовилась ждать. Она успела выпить две чашечки кофе, потом от скуки виски, пока наконец, не увидела их, предмет своего ожидания. Нина не удивилась, увидев Павлушу с дамой, была к этому готова, сразу поняла, что ужинать в ресторане отеля они не собираются. Сначала несколько растерялась, потом решила положиться на удачу и двинулась за ними. Полина и ПВ были увлечены друг другом, она в очередной раз поразила его: он знал, что она чертовски хороша, но каждый раз она была

разной. Ей одинаково шли и девчоночьи шорты, и элегантные вечерние туалеты. А может быть, она просто умела носить и то, и другое? Как бы то ни было, а Нина могла особенно не осторожничать, они ее не заметили. Сразу у отеля сели в такси, потому что решили поехать в Порт-эль-Кантауи, городок миллионеров, как называли его местные, а проще – район дорогих отелей, который находился на искусственно насыпанном полуострове. Там же были лучшие рестораны морепродуктов, вот в один из них и направились Полина и ПВ. Как только их машина отъехала, Нина тут же буквально прыгнула в другую и поехала за ними. И в ресторане все прошло удачно для Нины. Она села за столик, который располагался неподалеку, но был несколько скрыт от любопытных глаз большой южкой, которая, как тут принято, росла в глиняном горшке традиционной национальной формы. Здесь было бы очень уютно влюбленной парочке прятаться от любопытных глаз, но и Нине следить за этой самой парочкой – тоже неплохо.

План-то она, конечно, разрабатывала, но придумать ничего толком не смогла, поэтому сейчас решила положиться на случай, на удачу. Должно же что-нибудь произойти, что ей поможет! Нина видела, как Павлуша ухаживает за своей дамой, как смотрит на нее, как трогательно старается предугадать каждое ее желание. И вдруг она поняла, что ей действительно угрожает опасность, потому что это не банальный курортный роман, это настоящее чувство. Она настолько бы-

ла увлечена наблюдением, что не замечала интереса к своей собственной персоне: в курортном ресторане дама одна за столиком? Одна в ресторане? Нина потягивала вино, ковыряла лениво морепродукты в большой тарелке: аппетита не было. Он исчез вообще, когда она увидела то, что совсем повергло ее в отчаяние.

ПВ и Полина на самом деле производили впечатление очень счастливых людей. Это был чудесный вечер. ПВ нравилось все: еда, вино, уютная атмосфера, даже то, как на Полину поглядывали мужчины. Сначала они болтали ни о чем, потом Полина почувствовала какое-то напряжение со стороны ПВ и сама несколько занервничала. Он налил в бокалы вина, взял свой:

– Лиана, я должен сказать тебе нечто важное для меня. Я уже не молод, но еще и не стар, – улыбнулся, – думаю, что еще довольно большая часть жизни впереди. И я хочу провести ее с тобой рядом. Знаю, что это может показаться кому-то легкомысленным, потому что знакомы мы только неделю, но это не важно. В наши лета не стоит откладывать на потом то, что стоит сделать сейчас, – как-то неловко попытался пошутить, явно нервничая.

– Ты делаешь мне предложение? – она так лукаво взглянула на него.

– Да, я прошу тебя стать моей женой, – он достал из кармана маленькую бархатную коробочку в виде сердечка, открыл ее и протянул Полине.

Та, как завороченная, смотрела на кольцо: бриллиант в полкарата, удивительной чистоты, был окружен маленькими камешками, которые придавали ему форму цветка, а два овальных изумрудика были листочками.

– Какая красота! – ахнула Полина.

– Прости за столь скромный символ моих чувств, но это лучшее, что я нашел здесь.

– В «Зуле»?

– Конечно, ты же меня просветила, что в «Зуле» золото настоящее, без обмана. Знаешь, я, честно говоря, не планировал делать предложение, когда ехал сюда, поэтому с собой кольца, как ты понимаешь, не взял. Ну, так какой же будет твой положительный ответ? – ПВ пытался шутить, но Полина видела, как он напряжен, как он боится показаться легкомысленным, боится быть непонятым. Его рука, в которой он держал пальчики Полины, слегка дрожала.

– Наверное, я должна что-то сказать о приличиях, о нашем возрасте, о том, что мы совсем незнаем друг друга, но мой положительный ответ – да.

ПВ от напряжения даже не сразу понял, что она сказала:

– Так ты согласна? Правда, согласна?

Когда Нина увидела кольцо, она застыла с открытым ртом и поднесенной к нему вилкой. А потом у нее началась паника. То, что у нее уведят мужчину – это полбеды, а вот то, что денежки уплывают – беда настоящая. И в этот самый неподходящий момент к ее столику подошел мужчина и без при-

глашения сел на стул:

– Скучаем, красавица? Отдохнем вместе? – типично русский вопрос типично русского мужика, возомнившего себя на отдыхе мачо.

Нина поперхнулась от этой наглости, зато пришла в себя, опустила вилку с нанизанной на ней креветкой и закрыла рот. Впрочем, закрыла она его, чтобы тут же открыть и послать хама куда следует. Однако сделать этого не успела. Мужик явно выпил лишнего, находился в том состоянии, когда на подвиги тянет, а тут дамочка в одиночестве скушает. Он, не дождавшись ответа, схватил Нину за руку и потянул, пытаясь усадить ее к себе на колени. Сделал это грубо и больно. Нина, естественно, даже не предполагая, что может здесь подвергнуться такой атаке, испугалась, схватилась за край стола, но силы были явно не равны, поэтому она «поехала» в сторону мужика вместе со скатертью, с которой сначала слетела тарелка с морепродуктами, приборы, а потом и все остальное. Не только Нина была ошарашена происходящим, в шоковом изумлении застыли и официанты, а когда сообразили, что происходит, и бросились к даме на помощь, та уже сидела на полу (мужик не рассчитал, видимо, сил и дернул слишком сильно) среди остатков трапезы.

ВП, обернувшись на крик, оцепенел в первое мгновение, как и все остальные. Он даже не успел удивиться тому, что Нина здесь делает. Сцена абсолютно противоестественная где бы то ни было, а в мусульманской стране – тем более. Но

уже в следующую секунду бросился к Нине, протянул руку, помог встать, успокаивая и утешая. Она прижалась к нему, размазывая рукой слезы, забыв о платке или о салфетке. ПВ поглаживал ее по голове, что – то шептал на ухо. Для него это была нормальная реакция нормального человека, но Полине показалось весьма странным присутствие здесь Нины (уж не преследует ли она их), она увидела в этой сцене не только желание успокоить, но и нечто большее, так ей показалось. Она не совсем ошибалась. Нина быстро пришла в себя (хотя она оттуда не очень-то и уходила – дело привычное), возблагодарила Господа. Шутка ли: ничего сама не предприняла, а уже стоит в его объятьях, и его дама все это видит! Вот это повезло так повезло! Поэтому Нина постаралась заплакать, покрепче прижаться и вызвать к себе как можно больше жалости.

Полиция тем временем уже уводила мужика – здесь это быстро! К Нине спешил метрдотель с извинениями:

– Мадам! О, мадам...

Как человек порядочный, ПВ, конечно, не мог бросить Нину в такой ситуации, поэтому в такси (за счет заведения) они сели втроем – Полину ведь тоже не оставишь!

Недаром говорят: человек предполагает, а Бог располагает. Несколько минут назад Полина получила предложение руки и сердца, а сейчас сидит в машине на месте рядом с водителем, а на заднем сидении ее «жених» обнимает чужую женщину. Ей так было лихо, так обидно! Вчера из-за этой

женщины вечер испорчен – сегодня тоже. Долго это будет продолжаться? Вопрос отнюдь не риторический, ответ знать хотелось бы.

Пока ехали, Полина немного успокоилась и стала рассуждать здраво. Во-первых, ВП просто порядочный человек, он помог бы любой женщине в подобной ситуации. Во-вторых, Нина – не чужая, как – никак – бывшая жена. В-третьих, это чужая страна, здесь нельзя не поддержать друг друга. Ей стало немного легче в результате такой мозговой самоатаки, но Нина в объятиях ПВ на заднем сиденье – это выше сил. ПВ и сам понимал, что положение двусмысленное, и Нину ему хотелось утешить только в первые минуты, а сейчас уже надо бы освободиться от ее объятий. Что он и попытался сделать, да не тут-то было, бывшая такой шанс упустить не могла. А как ей нравилась ситуация! Она на заднем сиденье с Павлушей, а соперница (расфуфырилась – а вечер пропал) рядом с водителем. Ха – ха...

Когда приехали в отель, ВП пошел проводить Нину в номер, договорившись с Полиной встретиться через несколько минут в баре. Он отвел Нину, понял, что та уже в порядке, довольно холодно простился, у него тоже появились мысли, что делала она одна в ресторане? Он быстро дошел до своего номера, умылся, снял рубашку – было неприятно, что она пахнет духами его «бывшей» да, кажется, измазана ее помадой.

В это время в голове Нины родился «гениальный» план.

Она слышала, о чем договаривался ее Павлуша со «своей». Нужно было что-то придумать, чтобы он задержался в номере. Она подняла трубку телефона и сообщила на ресепшен, что в его номере сорвало кран. Тем временем ПВ нашел свежую рубашку, переделался, дорогим парфюмом уничтожил последние остатки запаха Нины, открыл дверь и увидел на пороге сантехника. Тот говорил на смеси арабского и французского, ПВ понял только, что ему нужно войти что-то проверить. Чертыхнувшись мысленно, посторонился, пропустил сантехника внутрь. Нервы были на пределе, предвкушал чудесный вечер с любимой женщиной, а здесь такой клубок случайностей... Но ему и в голову пока не пришло, что уж как-то слишком много случайностей.

Полина уже в баре тоже поглядывала на часы, потом решила, что, возможно, ПВ нужно спасти от навязчивой Нины, и отправилась к нему в номер. На это и рассчитывала коварная разлучница. Быстро переодевшись в короткий халатик, она оказалась на пороге номера ПВ, как только ушел мастер, не обнаружив никакой неисправности. Войдя, она не до конца, как бы случайно, прикрыла дверь.

– Дорогой, – замурлыкала она, – если бы не ты... Я так благодарна тебе.

– Прости, но мне надо идти, меня ждут.

– Да, конечно, я испортила вам вечер. Прости, прости меня, – она тянула время, мысленно подгоняя Полину: «Давай же, иди уже!»

Говоря так, Нина подошла к кровати, потянула за руку ПВ, ему пришлось машинально присесть. И в эту минуту за приоткрытой дверью послышался стук каблучков. «Она!» – Нина одним движением дернула поясок халата, под которым не было ничего, кроме крошечных стрингов, и всем телом навалилась резким движением на ПВ, тот не удержался от неожиданности и упал на кровать.

Полина распахнула дверь. Картина, которая представилась ее глазам, была омерзительна. ПВ лежал, откинувшись на подушки, сверху на нем, прижимаясь голой грудью, елозила Нина, довольно усмехнувшаяся, увидев Полину. Торжество свое она даже не пыталась скрыть, наоборот, даже приподнялась несколько, чтобы та все получше разглядела. Все произошло в какое-то мгновение, не знаю, есть ли оправдание ПВ, что он не сразу среагировал и не сбросил с себя Нину, но тут сыграл эффект неожиданности. Как бы то ни было, но когда он услышал удивительно ровный и спокойный голос Полины: «Дверь в таких случаях принято закрывать. У приличных людей», он понял, что все дальнейшее бессмысленно. Она никогда не простит. На это хватило доли секунды, он резко отбросил от себя бывшую жену, пожалуй, не рассчитав силу, потому что она отлетела в угол и принудительно затормозила у холодильника, где находился мини-бар. Но было поздно, Полина уже ушла.

– Ненавижу, как я тебя ненавижу! Какой дурак, на те же грабли! Ведь знал же, что тебе нельзя верить. Тебе никогда

нельзя было верить,— он сидел на кровати, слегка покачивался, обхватив руками голову, и говорил тихо, говорил так, что Нина, даже не попытавшись отлепиться от холодильника, поняла: это конец, надеяться ей больше не на что.

Вездесущая Карина, видевшая, что Полина и ПВ, уехав вдвоем, очень скоро вернулись вместе с Ниной, да еще ПВ шел, слегка ее поддерживая, не могла отказать себе в удовольствии, поэтому, естественно стала незримым свидетелем всего происходящего. Увидев Нину, в халатике направляющуюся к ПВ в номер, она сразу все поняла: у самой натура такая же. Но сейчас ей по-настоящему стало обидно и за Полину, и за ПВ, потому что она видела такие чувства, такое трогательное отношение друг к другу, о котором сама втайне мечтала. К тому же она испытывала чувство гордости перед собой любимой, что добровольно отдала Полине ПВ. Вот так, а оказывается, что он, несчастный, и не подозревал об этом. Карина видела, укрывшись в глубоком кресле в маленьком холле недалеко от номера ПВ, как туда прошла Нина, как дверь почему-то осталась приоткрытой. Как не воспользоваться — такой соблазн, поэтому, подкравшись на цыпочках, она видела все, что устроила там Нина. Правда, увидев Полину, Карина на мгновение юркнула в свое укрытие, чтобы потом продолжить наблюдение. Поэтому она видела все. И решила, что оставлять это так нельзя. Когда мимо, не заметив ее, пробежала Полина, Карина решила несколько повременить, подумав, что к Полине она еще успеет.

Карина видела, как сломлен был ПВ, видела сидящую в углу Нину, все слышала и боролась с непреодолимым желанием войти и разоблачить Нину. Но кому теперь это было нужно? Она решила действовать по-другому.

– Уйди, – попросил ПВ Нину, – я видеть тебя не могу. Какая же ты дрянь.

– Нет, милый, – Нина стала отскребать свою тушку от холодильника, делала она это не очень элегантно, все-таки тушка была тяжеловата. – Так просто ты от меня не отделаешься, деньги придется отдать. Половина твоей доли «СЕРПАША» – моя!

Карина задыхнулась: так вот почему лицо ПВ ей показалось знакомым! Владелец крупного банка, о котором часто говорили по телевизору. Банк занимался благотворительностью, прославился тем, что, единственный, начал давать кредиты доверия студентам (все равно же они работали, деньги вернуть могли, но работа чаще всего неофициальная, поэтому банки не связывались, а ПВ решил и Серегу, своего друга и компаньона, уговорил). Второй мыслью Карины было то, почему столь состоятельный человек приехал отдыхать сюда, а не на какие-нибудь острова с «помпезными» бунгало?

Она дождалась, пока Нина все же убралась из номера, и направилась к Полине, сделав остановку у бара – для храбрости.

Полины не было. Нет, в принципе она была, тело суще-

ствовало, вот души в нем не было, убили душу. Полина сидела в своем номере в кресле, сидела потрясающе красивая, в такой позе, что с нее парадный портрет писать надо было. Только глаза были абсолютно пустые. Карине даже страшно стало от этой пустоты.

– Я тебе сейчас говорить буду, ты просто слушай, – она присела на краешек кровати возле Полины, потрясенная тем, что та сидела, гордо выпрямившись, не плакала, не посылала проклятья в адрес коварного изменщика. Ничего не изменилось в лице Полины. Вот только глаза, недавно бывшие ярко-голубыми, стали пепельными.

– Я все видела, все знаю. Он нисколечки не виноват. Эта акула приехала за его деньгами, больше ей ничего не нужно. Хотя, может, и было нужно, но теперь-то уже все, назад дороги нет. Как он ее, – задохнулась от восторга, вспомнив, как Нина «поздоровалась» с холодильником. Пока она рассказывала все, что знала, с самого первого разговора ПВ с бывшей женой, в лице Полины не дрогнул ни один мускул, в глазах не появилось отблеска хоть какого-нибудь чувства.

– Слышь, подруга! Ты что? Из-за мужика так? Да пошли они все! Ты вообще меня слышишь? Эй! – Карина потрясла Полину за плечо. – Я же тебе говорю – это она все подстроила! Примчалась за его денежками!

Неожиданно Полина повернулась совершенно спокойно к Карине, улыбнулась:

– Все нормально. Не то переживали. Обидно просто в оче-

редной раз в дерьмо вляпаться. А то, что он не виноват – не знаю, может быть. Мне уже все равно. Жизнь продолжается. Подумаешь – курортный роман не удался.

Она говорила все это бодрым голосом, Карина даже позавидовала ее выдержке. И вдруг Полина вспомнила, как смотрел на нее ПВ, делая ей предложение, какое счастье было в его глазах, а сколько надежды! И тут произошло неожиданное: слезы хлынули из глаз, не просто слезы – потоки слез (нет, все-таки нормальная – обрадовалась Карина), Полина захлебывалась от рыданий, а Карина обняла ее, поглаживала по руке и приговаривала:

– А ты поплачь, поплачь, подруга, легче будет. Слезы – они все смоют. А мужики – козлы!

Услышав эти слова, которыми заканчивались все женские разговоры, Полина улыбнулась сквозь слезы, ей действительно стало легче.

– Порядок! Теперь надо закрепить результат – надо выпить, – посмотрела на Полину и покачала головой, – в бар тебе нельзя, но ничего, ты подожди, я быстро!

Полина подошла к зеркалу – хороша, ничего не скажешь! Умылась, кожа, освобожденная от соли слез, задышала, посвежела, вот только глаза красные – это так просто не смоешь. Поправила прическу, улыбнулась своему распухшему, заплаканному отражению: переживем!

Стукнула дверь. Карина принесла два больших бокала с коктейлем. Кто бы мог подумать, что так все сложится: сна-

чала невольные соперницы, потом явная неприязнь, а когда случилось такое, свою жилетку Полине предложила именно Карина. И кто знает, как бы все было, не случись ее рядом?

Коктейли выпили, мужиков еще раз козлами назвали, обнялись, как подруги, и Карина пошла к себе, уже поздно, поспать сейчас было самое то. Полина заснула быстро, сказались и стресс, и коктейль. Последняя подленькая мысль мелькнула: а ведь он не пришел! Не захотел объясниться. Даже не попытался.

Полина заснула, правду говорят, что нашим женщинам психотерапевта заменяют подруга и бокал вина. А ПВ все так же сидел на кровати, вся жизнь его вспомнилась ему: и как женился на Нине, и как бросила она его ради этого француза, и как не хотел и не мог больше верить женщинам, как ушел в работу, пахал и пахал, не знал, что такое выходные, а тем более – отпуск. И вот теперь, когда наконец судьба сделала ему такой подарок, опять появилась Нина, и опять сумела нагадить, да как! Нет, этого он ей не простит, все деньги на адвокатов потратит, но она не получит ни копейки. Он подумал о Полине, и злость в душе сменилась почти физической болью. Что он может сказать Полине, чтобы та поняла его и простила? Да ничего не может! Что здесь можно сказать? Вдруг он, как и Полина, вспомнил, как засветились ее глаза, как она, не раздумывая, согласилась на его предложение. Он застонал, как же жестока судьба! Нет, не судьба, сам дурак! Начал вспоминать, как все произошло, и вдруг как бы оч-

нулся: а что делала Нина в том ресторане? Как она там оказалась в одно время с ними? Одна? И он все понял: его бывшая с самого начала все продумала, разыграла спектакль. Он задыхался от возмущения и обиды на себя: как он мог опять попасть в ее сети? Но как все исправить? И можно ли? Не знал он, что Карина уже все рассказала Полине, что они уже поняли: у Нины был план, и ей все удалось.

ПВ решил, что завтра обязательно поговорит с Полиной, постарается ей все объяснить – ну, не может она не понять его!

Однако человек предполагает, а Бог располагает – недаром так говорят умные люди. До конца отдыха оставалось три дня. Полина и ПВ прилетели одним рейсом, оба на четырнадцать ночей, и улететь должны были вместе. Утром следующего дня Полина едва не проспала завтрак, встала с тяжелой от пережитого головой, но с твердой решимостью жить дальше так, как будто ничего не произошло. ПВ же рано утром разбудил звонок мобильного. Еще плохо соображая со сна, он взял трубку.

– Пашка, прости, но я, кажется, с неприятными новостями. Ты должен прилететь. У нас форс-мажор. Без тебя мы не справимся, а дело срочное. Проблемы с филиалами.

– Что случилось? Почему без меня нельзя? – он тут же опять стал владельцем банка, а не просто отдыхающим, в голосе появился металл, – смогу вылететь сегодня, расскажи коротко, что стряслось.

Новости, действительно, были не из приятных. Серега был прав: его присутствие необходимо, такие вопросы по телефону не решишь. ПВ по мобильному связался с представителем принимающей компании, выяснилось, что можно улететь дневным рейсом. Складывая в чемодан вещи, он думал, как может иногда пошутить судьба: в тот момент, когда необходимо все объяснить Полине, объяснить так, чтобы она его простила, он вынужден улететь. Единственная женщина его жизни, та, которую послала ему все та же судьба после стольких лет одиночества, может опять исчезнуть. Господи! Как же все глупо! Вдруг он поймал себя на мысли, что ничего не знает про нее. Не знает ни ее адреса, ни телефона, они еще просто не успели об этом поговорить – не было необходимости. Что же делать? ПВ, как мальчишка, впервые не в состоянии справиться с чувствами, ходил по комнате. Встретиться за завтраком – можно все испортить: на людях не поговоришь. Пойти к ней сейчас? Слишком рано, она может еще спать – тоже не вариант. Тогда он решил сходить на ранний завтрак, выпить кофе с круасанами, а потом ждать Полину у ее номера.

Он так и сделал. Время до отправления в аэропорт еще было, он устроился в маленьком холле, где накануне был наблюдательный пост Карины. Долго ждать не пришлось, дверь Полины скрипнула, он резко поднялся:

– Лина...

Она отпрянула, подняла на него глаза, невольно сделала

шаг назад в номер, он воспользовался ее замешательством, вошел и прикрыл за собой дверь.

– Лина, нам нужно поговорить. Ты должна меня выслушать.

– Наверное, это прозвучит банально, но я никому ничего не должна. Хотя, нет, ты прав – должна. Она взяла со столика у кровати коробочку с кольцом, которое вчера ей так понравилось, которое сулило столько счастья...

– Вот, возьми, мне чужого не надо. Опять банальность. Прости.

– Это ты меня прости, Лина, я дурак, я только потом понял, что она изначально все подстроила. Иначе, как она оказалась в ресторане? Я что-то не то говорю, зачем я о ней? Давай о нас поговорим, Полина, дорогая, не может же все так закончиться.

– Мне не очень хочется с тобой разговаривать, я и на талассу опаздываю. Но ты прав, поговорить надо. Мы же взрослые люди. Я благодарна тебе за неделю счастья. Я по-настоящему была счастлива, – усмехнулась невесело. – Для одинокой женщины элегантного возраста это неплохо – целая неделя. Я благодарна тебе и за науку, теперь на пушечный выстрел не подойду ни к одному мужчине. Возьми кольцо – есть кому подарить.

ПВ сделал шаг к ней, пытаясь возразить, что она говорит какую-то чушь. Что она говорит! Но Полина вытянула резко руку вперед, столько холода и решимости было в этом жесте,

что он понял: это конец.

– Лина! Что ты делаешь? Близкие люди должны понимать друг друга, нас обоих подставили, Лина!

– Вчера ты был очень не против близости с другой женщиной, а меня просишь понять это? А что я должна понять? Ты сделал мне предложение, а менее, чем через час, я увидела тебя в постели с другой женщиной. Я это должна понять? Прости, дорогой, но мне надо идти, я на процедуры опоздаю.

– Лина, видишь ли, ты сейчас не права, ты можешь сделать несчастными нас обоих. У нас очень мало времени, я сегодня улетаю. Пожалуйста, давай поговорим.

– Улетаешь? Сегодня? – она быстро справилась с чувствами, затопившими, залившими слезами ее душу. – Что ж, приятного полета! Впрочем, что это я! Конечно, полет будет приятным, вы же, наверное, вместе летите.

– А ты злая, Полина, такой я тебя не знал.

– А ты многого еще не знаешь. Но знай главное: я многое могу простить, многое могу понять, вот только ложь не переносу. Будь счастлив и прощай!

Полина подошла к двери, вопросительно глянула на ПВ, тому ничего не оставалось, как выйти из номера:

– Лина, ты ломаешь жизнь и мне, и себе...

– Возможно, но я не хочу жить во лжи. Не стоит начинать отношения с грязи, – сделала несколько шагов, оглянулась, – мы с тобой не попали в три процента!

Она, не оглядываясь, пошла по коридору. ПВ понял, что

догонять ее не стоит, уже ничего не поможет. Он смотрел ей вслед: прямая спина, гордая осанка, высокие каблуки и воздушная юбка, так волнующе колышущаяся вокруг бедер – не каждая двадцатилетняя выглядит так соблазнительно. Встретить такую женщину – и так глупо все разрушить. «Нет, Лина, нет, дорогая, это еще не финал нашей истории, – подумал, вдруг обретая уверенность и решимость. – Ты сильная, ты гордая, за это я еще больше люблю тебя! Но я сильнее, я справлюсь...»

В холле потягивала пиво Карина, она с удивлением посмотрела на Полину, как ни в чем не бывало направляющуюся в сторону талассы, и на ПВ, который шел практически следом. И если Полина посмотрела как будто сквозь Карину, то ПВ, увидев ее, как ей показалось, с радостью направился к ней.

– Карина, как хорошо, что Вы здесь! Могу я попросить Вас об одной услуге? Пожалуйста, передайте ей это, он протянул маленькую бархатную коробочку, – я сейчас еду в аэропорт, улетаю, пожалуйста, передайте.

Она смотрела на него с недоумением:

– Так вон же Полина, только что прошла, чего ж Вы сами-то?

– Так получилось. Лучше Вы.

– Знаете, я сама женщина интересная и свободная, – Карина кокетливо улыбнулась, а потом совсем другим тоном продолжила, – но я вот что тебе скажу: Полина – редкая жен-

щина, не то, что твоя акула, как можно было променять ее. Акуле твоей только деньги нужны. А если не возьмет, что делать? – посмотрела на коробочку.

– Пожалуйста, постарайтесь, чтобы взяла, – сказал это с такой безнадежностью в голосе, что Карине даже стало его жалко.

Все четыре часа в самолете ПВ вспоминал каждую встречу, каждое слово Полины. Подумать только – прошло всего десять дней, а он будто целую жизнь прожил. Встретил восхитительную женщину, влюбился, как мальчишка, и потерял свою любовь. Карина была права: Лина редкая женщина. Природа, или судьба – как кому удобнее думать – может дать женщине красоту, ум и счастье. Однако в одной женщине все – так не бывает: дурнушки обычно умны, глупенькие хороши собой, а счастливы порой и не умные, и не красивые. Лина же была потрясающе хороша собой, обладала прекрасным вкусом, что делало ее еще более привлекательной. Она была умна, остра на язык, имела такое тонкое чувство юмора... И тут ПВ подумал, что, наградив так Лину, судьба не дала ей счастья. И вот когда это счастье должно было случиться для них обоих, судьба как бы дала по рукам: знайте свое место!

– Ну уж нет! Мы еще поборемся! – и тут он опять вспомнил, как засветились ее глаза, когда он сделал ей предложение. Он чуть не застонал, не в силах сдержать ту горечь, которая комом легла на сердце.

Дама, сидящая рядом, странно покосилась на него, всю

дорогу провертевшегося в кресле. И вдруг еще одна мысль обожгла его: Лина не знает, кто он. Он как-то сказал, что он инженер-электронщик, он действительно с этого начинал, она спокойно это восприняла, подумала, наверное, что не простой клерк, и все. Это значит, что ей понравился он сам, а не его деньги! Они в принципе не говорили о работе, ни о его, ни о ее – было не до этого, и так много о чем хотелось поговорить. Как только подумал о деньгах, мысли вернулись к работе. Что там могло случиться такого, что Серега вызвал его до окончания отпуска, хотя сам и отправил его отдыхать?

Карина не удержалась и открыла коробочку. Ну, правда, почему не взглянуть, что другие мужчины другим женщинам дарят, а другие женщины и не принимают еще этих подарков? Красота кольца ее поразила. «Дорогущее, наверное, – подумала с грустью, – поэтому Полина его и не взяла. Нет, она его по-другому не взяла». Вздохнув, закрыла коробочку и спрятала подальше в сумочку. Полина на талассе, придется ждать вечера.

Полина после процедур немного пришла в себя: три раза по 20 минут (три процедуры) она анализировала ситуацию. И как действительно умная женщина пришла к единственно, как ей казалось, верному выводу: жила она одна неплохо – и дальше жить будет. Спасибо судьбе за подаренное мимолетное счастье, но все равно – все мужики козлы! Ладно, хоть будет что вспомнить на старости лет. За этой внешней бравадой пряталась настоящая боль, которую сильная женщина

сможет преодолеть – Полина убеждала себя в этом, а сердце потихонечку встрепенулось: «А как хорошо было быть слабой, когда засыпала у него на плече, когда чувствовала его внутреннюю силу и готова была подчиниться ей безоговорочно».

Вечером произошел забавный эпизод, который немного развеселил Полину. Она любила украшения – чего греха таить! Кое-что осталось из «фамильного», кое-что было куплено еще при муже, что-то дарил сын. Полина принципиально носила только драгоценные камни, потому что была убеждена, что бижутерия в ее возрасте – дурной вкус. Она всегда говорила, что дамы «элегантного» возраста либо носят натуральные камни, либо говорят, что не любят украшения.

Она сидела в холле с чашечкой потрясающего кофе (кинула в знак благодарности бармену – он расцвел улыбкой), убедила себя, что в оставшиеся три дня все забудет, приведет свои эмоции в порядок, накупается от души, расслабится – и обязательно все забудет! За соседним столиком сидела женщина-корабль, ее так про себя окрестила Полина. Дама лет шестидесяти, очень интеллигентная, с пронизательными глазами, в которых были интеллект и молодость, но главной особенностью ее внешности была выдающаяся грудь, трудно сказать, какого размера, потому что таких размеров уже нет, когда дама входила в ресторан, сначала появлялась грудь, а через некоторое время «подтягивалась» и хозяйка. Но и не это еще самое главное. Самое главное, что при даме был мо-

лодой человек лет 28, явно не сын, который смотрел на нее с обожанием и относился к ней так внимательно, с такой заботой, что это явно трудно было сыграть. Сегодня дама почему-то была одна, она потягивала виски и со скучающим видом посматривала по сторонам.

Полина улыбнулась ей, хотя знакомы они не были, но ведь виделись сто раз на дню. В ответ дама подняла свой бокал и кивнула. Вдруг за столиком у Полины приземлились две «хорошо отдыхающие» молодки за тридцать пять из компании братка. Одна, с бокалом в руке, икнув, обратилась к Полине, как к старой знакомой:

– Послушайте, где вы купили эти сережки, если здесь – то где? Понимаете, мне дочке подарок надо (ик!), а у Вас сережки очень красивые, сверкают так. Понимаешь (она вдруг перешла на «ты»), я ж ей дорогие не куплю, мала еще, а эти в самый раз, так где купила-то?

– А сколько лет Вашей дочери?

– 14, в седьмом классе она.

– 14? И Вы хотите ей такие серьги?

– Да, бижутерия, а красивые! Я ж ей не куплю дорогие!

– А почему Вы решили, что это бижутерия? – не то растерялась, не то развеселилась Полина.

– Так они ж желтые! Настоящее золото другого цвета! Что ж, мы не понимаем? (Ик!)

Полина попыталась немного отвернуться, чтобы не вдыхать запах перегара, которым благоухали обе молодухи, и

вдруг услышала женщину-корабль:

– Прошу прощения, дамы, что вмешиваюсь, но Полина деликатничает, а я хочу ей помочь. Желтый цвет золота означает его высокую каратность, это значит, что в нем не медь, а серебро, поэтому и нет красного оттенка, а камешки – очень неплохие бриллианты, хоть и небольшие. Так что дочке Вашей четырнадцатилетней, думаю, такие носить еще рановато. Бриллианты вообще могут позволить себе только дамы за сорок. Полина, Вы тоже еще слишком молоды, вот мне уже в самый раз! – она улыбнулась так открыто, по-доброму, что Полина как-то сразу внутренне расслабилась, будто на самом деле камень с души упал.

Одна из красоток поперхнулась содержимым своего стакана, поставила стакан на стол и явно смутилась, ее подружка, искавшая подарок дочке, буркнула: «Умные все, блин!» и пошла, держа в одной руке бокал и помахивая сумочкой другой.

– Извините, – буркнула первая и тоже ретировалась.

– Вы знаете, как меня зовут? – удивилась Полина.

– Я еще в самолете обратила внимание на Вас, к сожалению, все меньше вокруг лиц с признаками интеллекта, все больше – с признаками денег, а Вы мне понравились, – сделала глоток виски, подержала мгновение во рту, будто проверяя послевкусие, – люблю красивых женщин, люблю, когда у женщины есть вкус, а главное – стиль. У Вас глаза были такие усталые, Вы никого вокруг не замечали, поэтому и

меня не помните, не смущайтесь.

В эту минуту вдруг опять появились девушки, интересовавшиеся сережками.

– Простите нас, так неловко получилось, – сказала та, что потрезвее, – я говорила ей, вдруг они настоящие, а она заладила: желтые, но все равно красивые. А это что, правда, что чем желтее, тем дороже?

– Нет, милочка, золото может быть разного цвета, даже розового, но в нашем случае – правда.

Девушки, все извиняясь, взяли забытый бокал и ушли окончательно. А Полина и Вероника Арнольдовна (так звали женщину-корабль) разговорились, разболтались, разоткровенничались, весьма понравившись друг другу. Выяснилось, что Вероника Арнольдовна невольно наблюдала за тем, как развивался роман Полины, ей очень нравилась эта пара. Выслушав Полину, которой, как выяснилось, нужно было просто выговориться, она пожурила ее, сказав, что не стоило уж так-то. Она тоже обратила внимание на странное поведение Нины, все время как будто что-то выжидавшей, кого-то караулившей.

– Мутная какая-то дамочка, это все не спроста, к бабке не ходи. А его жалко, я видела, как он на тебя смотрел, так смотрят только тогда, когда понимают: это последнее и это лучшее, что мне подарила судьба. Ну что делать, у меня тоже иногда гордость зашкаливает, ругаю себя потом...

После их разговора Полине стало значительно легче на ду-

ше, но странно: появилось ощущение, что это еще не финал истории. Или это просто настроение улучшилось?

Оставшиеся два дня пролетели очень быстро. Курс таласотерапии закончился, Полина чувствовала, какой молодой и упругой стала ее кожа, как легко ее спине после массажа. Недаром говорят, что максимальный эффект достигается только тогда, когда все процедуры проводятся не только с использованием продуктов моря, но и рядом с морем, чтобы и воздух, и солнце, и плавание – все работало на результат. Несмотря на сердечные проблемы, Полина выглядела потрясающе: помолодела, похорошела. В отеле мужчины бросали на нее весьма заинтересованные взгляды, а о местных мужчинах и говорить нечего: откровенно не приставали (они боятся, что иностранка может обратиться в полицию), но проходила Полина по улице, как сквозь строй. Две недели подходили к концу, все чаще вспоминала дом, что ее там ждут – не дождутся самые дорогие ей люди. Уже куплены подарки, сделан солидный запас кофе и специй, и по бутикам она успела пробежаться. Осталось только все упаковать, собраться – и забрать с собой все хорошие воспоминания, а все печальное оставить и никогда не вспоминать. Никогда!

Улетала Полина утром, вечером она тепло попрощалась с Наташей, поблагодарила ее за все услуги.

– Ждем через год? Не прощаемся? – спросила та с улыбкой.

– Непременно! Очень постараюсь!

С Вероникой Арнольдовной, которая тоже возвращалась этим же рейсом, они душевно устроились в мягких креслах в последний вечер. Отпивали мелкими глоточками кофе, сетовали, что соотечественники не всегда ведут себя достойно, старались не вспоминать вообще неудавшуюся историю любви Полины, болтали по принципу: «что вижу – то пою». Как вдруг к ним подошла Карина. Она явно была смущена присутствием ВА, потом подумала, что, возможно, это и к лучшему, при посторонних Полина просто возьмет коробочку, ей будет неловко что-то объяснять и отказываться.

Полина так открыто и радостно улыбнулась Карине, что та немного приободрилась.

– Полин, ты только сразу ничего не говори, подумай, мне-то что делать, я-то в каком положении? – и протянула ту самую коробочку, – он очень просил, очень...

Полина вопросительно и смущенно взглянула на Веронику Арнольдовну, та взяла решительным жестом коробочку из рук Карины:

– Надо же, как все далеко зашло, я и не предполагала! А камушек-то хорош, поверьте, я в них толк знаю!

Карина невольно взглянула на руки женщины: да, немолодые уже, как и сама хозяйка, но ухоженные, с прекрасным маникюром, а главное – на среднем пальце правой руки великолепное кольцо, такие же камни в ушах. Много есть анекдотов про русских дам, которые на пляже в бриллиантах загорают, но Вероника Арнольдовна – другое дело. Украшения

на ней были настолько естественны и гармоничны со всем ее обликом немолодой, состоятельной, очень интеллигентной дамы, что не вызывали никаких других эмоций, кроме восхищения.

– Ну что, Полина? Какой будет твой положительный ответ? – подмигнула лукаво. – Я думаю, надо взять.

– Я не могу! Во-первых, это очень дорогая вещь, а во-вторых...

– А во-вторых, оно будет напоминать тебе, – перебила Вероника Арнольдовна, – так это же здорово! Хорошее надо помнить!

– Хорошее? – Полина вскинула на нее удивленные глаза.

– Конечно! Были чувства, были прекрасные мгновения, а их так мало в жизни, поэтому надо ценить и помнить все хорошее! Обязательно надо взять, и пусть напоминает! К тому же бриллиант работает только тогда, когда он подарен, а этот не просто подарок, он выбирался на пике чувств, представляет, как хорошо он «заряжен», какая у него энергетика! Кстати, Полина, ты кто по гороскопу?

– Я знаю, это мой камень, я тоже люблю камни и неплохо в них разбираюсь. Я львица.

– Тогда и думать нечего!

– Да, но цена... это неудобно, вдруг он последние деньги за него отдал?

Ее собеседницы одинаково удивленно посмотрели на нее и одинаково подумали: « Неужели не знает? » Но ни Верони-

ка Арнольдовна, ни Карина ничего не сказали.

– Все, Полина, забирай! Что я с ним делать буду? – поставила решительную точку Карина.

Полина вертела в руках коробочку, вздохнула, вдруг глаза ее подозрительно заблестели.

– Я сейчас в бар, я быстро!

Карина умчалась в бар, а Вероника Арнольдовна похлопала ласково Полину по руке:

– Ничего, девочка, вспомнишь мои слова – все будет хорошо, это еще не конец истории.

– Конец, я ничего про него не знаю, мы даже телефонами не обменялись, не успели, не до этого было.

– Ох, Полина, помяни мое слово... Не тот это человек, чтобы вот так все закончилось.

Девичник закончился за полночь, дамы разошлись по номерам, вдоволь наоткровенничавшись, обменявшись телефонами и адресами. Одним словом, расстались подругами.

На следующий день после завтрака автобус увозил их в аэропорт в Монастир. Все пассажиры выглядели отдохнувшими, каждый увозил загар разной степени поджаренности, но у всех в глазах была грусть. Возвращаться в Москву (а кому-то и не в Москву, а куда-то дальше) не хотелось, тем более, там уже была настоящая холодная осень. Некоторые и одеты уже были в теплые куртки. Конечно, здесь еще не осень, но об ограничениях веса багажа все помнили, поэтому чем больше на себе – тем меньше в чемодане. Арифме-

тика простая.

Последним в автобус вошел «браток», впрочем назвать его так теперь язык не поворачивался: выбрит, ни тени похмелья, дорогая брючная пара уже темного цвета, элегантный мужской чемодан, дорогой парфюм – у всех что называется рты открылись от удивления. И ни одной красотки рядом. Доехали быстро – всего-то 15 километров. В аэропорту царил обычная суета, но паспортный контроль прошли быстро, осталось только купить подарки в дети – фри. Вот там очереди были огромные. Тем не менее Полина решила постоять, тем более, что время еще было. Обязательно нужно было купить ликер «Тибарин», визитную карточку Туниса, и виски для сына. Полина опять подумала, что покупать алкоголь ребенку... Но мальчик вырос, а бутылка хорошего виски в доме должна быть. Гуляя между полками, удивилась, насколько дорого здесь масло марокканского орешка, которое она всегда привозила из Туниса, но покупала его на медине гораздо дешевле. Одна капля, добавленная в любой крем, или использование в чистом виде творили чудеса.

Карина тоже потратила последние оставшиеся доллары, и девушки отправились к выходу, услышав объявление о посадке. Вероника Арнольдовна, заботливо поддерживаемая своим спутником под локоток, приветливо помахала им. Автобус подвез к самолету, Полина со страхом глянула на «боинг»: как такая махина сможет в воздух подняться?

Ничего, поднялась и на удивление легко, практически

незаметно оторвавшись от земли. Полет был приятным, в зону турбулентности попали только один раз, и покормили на удивление вкусно. И все равно Полине было грустно, несмотря на болтовню Карины. Они регистрировались вместе, поэтому и места у них были рядышком. Как странно, возвращались они подругами. Как много пережито за две недели, целая жизнь, в которой случились и радости, и горести, были встречи и расставания. Вдруг совершенно неожиданно для себя Полина открыла сумочку, достала бархатную коробочку, посмотрела на кольцо, улыбнулась каким-то своим мыслям и надела колечко на палец. Карина замолчала на полуслове, открыв рот смотрела на Полину, вдруг улыбнулась, подмигнула:

– Молодец, подруга!

Загорелась надпись: «Пристегните ремни», самолет начал снижение. На этот раз, погруженная в свои мысли, Полина даже не думала о страхе, полет прошел быстро и спокойно. Как только колеса коснулись земли, поблагодарив аплодисментами вместе со всеми пассажирами экипаж, она включила телефон и набрала сына. Егорушка уже ждал ее в аэропорту, сердце ее накрыла волна тепла и нежности: «Сыночек мой дорогой!»

Долго ждали багаж, ее сумка все не появлялась, Полина нервничала, рядом подпрыгивала от нетерпения Карина. К ним подошла попрощаться Вероника Арнольдовна, ее молодой человек уже стоял с чемоданами. Дамы расцеловались,

обещая созваниваться. Вероника Арнольдовна наклонилась к Полине и шепнула:

– Удачи тебе, девочка! Все будет хорошо!

Выходя в зал, где ждали встречающие, Полина сразу заметила Егора. Поцеловала его, потерлась щекой о плечо.

– Ничего себе! – у Карины был явный шок. – Ты его в детстве родила?

– Познакомься, Карина, это Егор, мой сын.

Карина так улыбнулась, протягивая руку Егору, что Полина предупредила, смеясь:

–Даже не думай!

–Ну, пока, подруга! Не пропадай! – Карина направилась к выходу, оглянулась и помахала еще раз рукой.

Полина щебетала, рассказывая об отдыхе, пока шли к стоянке, где сын оставил машину. Подходя, вдруг остановилась, замолчав: «браток» сел в шикарную машину, дверцу придерживал, склонившись в поклоне, здоровый амбал в черном костюме, безупречно белой рубашке и бабочке. «Есть такое хорошее русское слово – релаксация, вот как надо расслабляться!»

Пока Полина наблюдала церемонию встречи «братка», возникла небольшая пауза, она даже не заметила, что и Егор тоже замолчал.

– Мама, это, кажется, к тебе...

Полина оглянулась, удивленно взглянув на Егора.

ПВ стоял в двух шагах, держа в руках три роскошные ро-

зовые хризантемы. Она не любила помпезные букеты, завернутые в кучу бумаг, цветы хороши сами по себе, а хризантемы она любила особенно. Не удержалась от улыбки: Егорушка только что подарил ей тоже три, но только белые. Мысль о цветах была защитной реакцией ее психики, но от шока не спасла. Они стояли и молча смотрели друг на друга. Егор рядом застыл в изумлении, переводя взгляд с матери на незнакомого мужчину, хотя лицо его, кажется, мелькало в СМИ.

– Полина, я так долго готовил речь, – улыбнулся, скрывая за вымученной улыбкой смущение и страх, захочет ли выслушать? – А теперь не знаю, что сказать. Что сказать, чтобы ты выслушала меня, чтобы поверила.

– Ты решил свои проблемы?

– Проблемы? Да, конечно. Но это не важно. Главное – решить нашу проблему. Лина, пожалуйста, поверь мне, выслушай меня, поверь мне и выходи за меня замуж! Скажи, что ты согласна!

Он взял ее руку, поднес к губам – и вдруг увидел кольцо

– Лина, Линочка, дорогая, ты согласна... – он целовал пальчик за пальчиком и повторял: согласна, согласна...

– Егор, познакомься: это Павел Валентинович.

– Егор, рад познакомиться. Так получилось, что я люблю Вашу матушку, хочу, чтобы она стала моей женой, и она только что ответила мне согласием, – говоря это, ПВ не выпускал руку Полины, словно боясь, что опять что-то случится и он потеряет свою единственную женщину.

Егор протянул руку, ответил на сильное рукопожатие ПВ.

– Ну, мать, ну ты даешь, на две недели оставил без призора. Что ж, благословляю вас, надеюсь, в надежные руки отдаю тебя, мамусик!

ПВ наклонился к Егору:

– Спасибо, сынок. Обещаю, что буду беречь, любить, холить и лелеять, – он расслабился, улыбался, его глаза излучали такое счастье, что Егор почему-то тоже вдруг как-то сразу поверил ему. Должна же и мать его стать наконец-то по-настоящему счастливой!

– Предлагаю отметить это событие! Как это называется? Помолвка? Поехали! – он распахнул дверь черной холеной BMW.

– Мам, ты с кем? – улыбался лукаво, распахивая дверь своей машины.

– Прости, сынок, – ответила такой счастливой улыбкой, садясь в машину ПВ.